

Олег Шовкуненко

И настанет
день третий

18+

ЛитЛРес

Олег Шовкуненко

И настанет день третий

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Шовкуненко О.

И настанет день третий / О. Шовкуненко — «ЛитРес: Самиздат»,
2010

Узнайте правду о смерти, о загробном мире, о богатстве, о золоте и о том, что вы называете современным экономическим кризисом. Когда откроется истина, желаю вам сохранить рассудок. С наилучшими пожеланиями, Алексей Глебов - беглец.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ.

Благородный янтарный напиток в широком фужере. Едва заметным движением подымаю легкий шторм. Бушуя меж хрустальных берегов, он отблескивает лучи дорогущих сверкающих люстр.

Говорят, на огонь и воду можно смотреть бесконечно. Согласен. Проверено на практике. Вот уже которую ночь я торчу в этом «милом» кабаке, неотрывно уставившись в глубины коньячного океана. Неужто спиваюсь? Не хотелось бы. Лучше надеяться, что диагноз гораздо проще. Нет желания глазеть по сторонам, и все тут! А чего туда пялиться? Вокруг как всегда, как везде... одно и то же. Папенькины сынки, нагло возомнившие, что они что-то в этой жизни могут и стоят. Длинноногие телки, которые и в самом деле могут многое, но только за деньги. И, наконец, вышколенный персонал ночного заведения – единственные, кто в этом мире роскоши, достатка и благополучия достойны понимания и уважения, так как честно зарабатывают свой хлеб.

Противно. Спросите, зачем я вновь притащился сюда? Если ответу – не поверите. Чтобы не оставаться наедине с самим собой, чтобы не думать и не вспоминать. О чем вспоминать? О том, чего не было на самом деле. О том, что мне привиделось. Однако, черт побери, какое странное, чудовищное в своей реальности видение! Я помню его все... до мелочей, до звуков, до запахов, до нестерпимой боли от ударов кнута, до слепящего блеска золотых самородков, до регота отвратительных жутких тварей.

Но самое страшное происходит ночью, когда я засыпаю. Мозг теряет чувство реальности, перестает защищаться, и видения превращаются в явь. Я вновь попадаю туда. У меня на глазах льется кровь, звучат стенания и отчаянные призывы о помощи. Но я ничего не могу поделать, потому, что это выше человеческих сил, потому, что я такой же как и все они – обессиленный, искалеченный, ни на что не годный узник, обреченный на изуверские муки. И так будет продолжаться всегда... вечно.

Но нет, хватит! Это выше моих сил! Я с остервенением затряс головой, как будто хотел вытряхнуть оттуда не только кошмары, но и часть опухшего, уставшего от пыток серого вещества. Полегчало. Чтобы окончательно завершить процедуру я потянул к себе фужер. Очередной глоток сорокаградусного пойла позволит продержаться. Через час-другой мозг отключится, утонет в пьяном угаре, несущем с собой сладкое забвение. Вообще-то, я не любитель спиртного, но выбор не велик: либо бухло, либо таблетки. Из двух зол выбираю более традиционное и натуральное. Только бы не думать, не помнить и не видеть этих проклятых снов!

Скрип барного стула немилосердно выдергивает из реки медленно текущих мыслей. Вернее, это даже не скрип. Кто-то рядом со мной просто потянул по полу массивную, стилизованную в стиле Гауди, подпорку для задницы. Дребезжание отразилось не только на зеркальной поверхности моего коньяка, но и ржавыми граблями проскребло по еще не окончательно анестезированному мозгу. Против рефлексов не попрешь. С неохотой поворачиваю голову. Го-о-споди, нет! Опять она!

– Господин Глебов, я понимаю, что вам тяжело про это вспоминать, но все же войдите в мое положение...

Приличный английский, такой же, как и мой – насквозь выученный. Мозг помимо воли фиксирует очередной бесполезный факт.

– Я уже вам говорил, что разговор закончен, – в горле как-то сразу пересохло. Я отвернулся и не спеша отхлебнул огненной жидкости.

– Меня точно вышвырнут, – девушка хлюпнула носом. – Это интервью – моя последняя надежда, мой последний шанс удержаться в «Телеграаф». Иначе придется снова мыкаться без работы или возвращаться в убогую провинциальную газетенку.

Тьфу, ты! Ну, что за наказание такое? Всем остальным репортерам хватило фотографий, где я скорчился в жестком кресле-каталке, да нескольких шаблонных фраз, к которым они сами додумают свои жуткие душещипательные истории. А эта вот настырная, привязалась. За правдой гоняется.

Я обратил на нее внимание еще там, в госпитале, во время этого идиотского брифинга. Уж очень не похожа на всю остальную пишущую и снимающую братию. Они ведь сейчас как собаки, вцепятся, хоть палкой отгоняй. Сенсация нужна немедленно и вся сразу, одним куском. А что там у тебя на душе или, тем более, что будет с тобой потом это уже никого не интересует. А эта нет. Просто стояла и смотрела. Позади всех, не высовываясь и не напирая. Мне почему-то сразу почудилось, что пришла она не на встречу с последним уцелевшим из экипажа «Жокея», а скорее что бы проведать меня – едва живого Алексея Глебова. Однако это лишь фантазии. Она ведь тоже журналист. Приехала вместе с ними и выглядит как они. С иголки серый костюмчик, черные как смоль волосы собраны в строгую высокую прическу, а в руках записная книжка. Заметьте не традиционный в наше время диктофон, а именно записная книжка!

На вид умная девочка, но поймет ли, поверит ли? Ведь если честно признаться, я и сам-то не могу понять и поверить. А для нее я лишь жертва кораблекрушения, единственный, кто вынырнул из темных глубин Атлантики.

– Господин Глебов, вы меня слышите?

– А? Что? – я снова повернулся к молоденькой журналистке. – Простите, задумался.

Я сразу заметил, что девушка как-то странно на меня смотрит. В приглушенном полумраке ночного паба взгляд этих больших карих, почему-то усталых и печальных глаз показался вдруг очень знакомым. Точно так же на меня смотрела Диона... Но нет, стоп! Я не могу позволить кошмарам преследовать меня вечно. Сейчас я не сплю и поэтому в силах остановить их. Если не рюмкой, то хотя бы... то хотя бы болтовней с этой девчонкой.

– Как вас зовут? – если она сама напрашивается на разговор, то не сочтет этот вопрос приставанием.

– Анна, – в глазах журналистки загорелась надежда.

– Анна, значит, – глядя на ее посветлевшее лицо, я вдруг почувствовал себя сердцеedom. – Вы местная?

– Нет, я из Эйндховена. Может, слышали маленький городишко недалеко от границы с Бельгией.

– Слышать то слышал, но бывать не приходилось. Я ведь морской житель. Вглубь континента заглядываю редко.

Внезапно в груди проснулся давно забытый гусарский дух. Повинуясь ему, захотелось очаровывать и покорять женские сердца. А что, тоже метод! Глядишь, так и ночь пройдет.

– Все-таки жаль, что вы не местная. Показали бы мне Амстердам. А то не сегодня, так завтра получу свое жалование, страховку и поминай, как звали. Уеду, так ничего толком и не посмотрев. Кто знает, случится ли вернуться сюда еще раз? В моем-то возрасте...

– Какой возраст? Вам всего-то сорок восемь! – в голосе Анны зазвучал очаровательный акцент, свойственный лишь скандинавам.

– Так-так! – в глаза мигом бросилась подозрительная осведомленность. – Наводили справки?

– Это было несложно. Герой Советского Союза, командир военного корабля – фигура заметная.

– Бывший командир, бывший герой, бывшего Союза. И все остальное тоже в прошлом. Того и гляди пойду на слом, точно так же как пошел мой корабль, который одна подозрительная кантора ухитрилась толкнуть японцам на металлолом.

– Герои не бывают бывшими, – девушка произнесла это очень уверенно, так что мне показалось, что она искренно верит в свои слова. И подтвердила это Анна очень просто. Она вдруг неожиданно попросила. – А можно я к вам прикоснусь? Мне почему-то очень хочется это сделать. – Девушка слегка смутилась, но продолжила. – От вас исходит настоящая сила. Она какая-то сверхъестественная, вечная, добрая и... и знакомая. Словно вы сказочный герой из моих детских грез. Или нет. Словно вы мой отец или брат или...

Наблюдая за Анной, я не смог сдержаться и с умилением улыбнулся. Добро пожаловать в фан-клуб Алексея Глебова!

– Я говорю глупости? – Анна опустила глаза. – Да, я определенно говорю глупости. – Чтобы хоть как-то оправдаться и поддержать свой пошатнувшийся авторитет журналиста, девушка поспешила пояснить. – До сих пор не могу поверить, что вы живы. Три дня в ледяной воде – это просто невероятно!

Наивное дитя, думаешь, я сам могу поверить в это. Жив ли я сейчас, и был ли мертв тогда? Возможно, на этот вопрос я не смогу ответить никогда. Возможно, психолог и убедит меня, что все кошмары – это сбой окоченевшего умирающего мозга, такого, каким он был тогда, в бушующем океане. Но есть один вопрос, на который не будет ответа, к которому то и дело возвращаются мысли, который мучит и тяготит. Откуда взялся этот шрам на моем правом запястье? На вид давно зарубцевавшийся и почти незаметный. Медсестра, пару дней назад ставившая мне капельницу, назвала его жирной волосатой гусеницей. Может, для кого-то это и гусеница, а вот в моей памяти будет вечно дымиться и вонять паленым мясом страшное позорное клеймо.

Глава 1.

Сильный северо-западный ветер, обильно сдобренный фонтаном соленых брызг, больно обжигал неприкрытое лицо. Я не первый день в море, и прекрасно знаю, что такое шторм. То, что сейчас творится за бортом, еще сложно назвать штормом, скорее веселенькая качка. Но шторм будет, обязательно будет.

Придерживая рукой капюшон желтого дождевика, я оторвался от созерцания высоких бурунов, рдеющих в лучах заходящего солнца, и с некоторой нервозностью перевел взгляд на внушительные караваны толстых стальных труб. Ими словно прессом придавили крышки грузовых люков. Каждый штабель имел в высоту чуть более шести метров. Трубы предназначались для строительства магистральных газопроводов. Были они все одинаковые и лежали ровными рядами. Однако, насколько я помнил, среди них имелось два пакета – по четыре трубы, стянутых между собой толстыми стальными полосами. Получателем пакетов значилась какая-то датская контора, которая в Осло должна была перегрузить их прямо на грузовики. Отсюда и взялась такая, с позволения сказать, расфасовка. Огромному портовому крану ничего не стоит подцепить вот такой пакет и прямехонько отправить его на прицеп автомобиля. А вот что делать с этими «подарочками», если форс-мажор возникнет в море? Вес четырех труб не потянет ни один из наших бортовых кранов.

Черт, угораздило же связаться с этим железом! Специализация «Жокея» зерно – чистый безопасный груз. А тут судовладельцы настояли, вот Густаву и пришлось взять грех на душу. Густав конечно моряк от Бога, только вот выше морских законов ставит волю хозяев. Меня, например, хоть стреляй, никто и никогда не заставит выйти в море груженным свыше нормы, да еще и с этой хренью на палубе. Между прочим, проект крепления караванов так никто и не удосужился состряпать. Эх, зря я все-таки промолчал... Старею, что ли?

Все эти мысли вдруг разбередили память о далекой молодости. Тогда командир торпедного катера старший лейтенант Глебов еще мог себе позволить радиogramму типа: «Считаю решение командующего эскадрой ошибочным. Продолжаю действовать по собственному плану». От воспоминаний о вольностях давно минувших дней я по-доброму улыбнулся. Да... были времена! Все-таки как ни поливают грязью то далекое советское прошлое, а людей воспитывать тогда умели. Да каких людей: смелых, грамотных, принципиальных, решительных. И на риск они шли ради высокой цели, а никак не из-за какого-то паршивого бабла.

На палубе пока вроде бы все в порядке. Конечно сейчас не моя вахта, но я как-никак старпом. Фигура не первая, но далеко и не последняя. Я отвечаю за этот корабль наравне с капитаном. Может, поэтому и решил все проверить самолично. Шторм ведь грядет не шутейный.

Я еще раз глянул на ближайший из штабелей. Покачал головой. Верил бы в бога, обязательно перекрестился, а так... плюнул и рванул на себя тяжелую герметичную дверь.

Внутри гораздо спокойней. Стены, конечно, ходят ходуном, но что поделаешь, море оно и есть море, и на нем далеко не всегда штиль. А в принципе к качке привыкаешь. Как к надоедливой мухе. Слегка раздражает, но не более. Спустившись по крутому трапу, я попал на жилую палубу. В длинный коридор выходят двери всех кубриков, кают-компания, камбуз, бытовка и парочка кладовок доверху забитых всяким редко используемым хламом. Вокруг чисто, тепло, светло и уютно. Даже не верится, что где-то рядом, за тонким железным бортом ревет великий и всемогущий океан.

Ощущение безопасности подействовало как хорошее снотворное. Я зевнул и тут же, словно поддавшись ударившей в борт волне, качнулся в сторону своей каюты. Устал. Целый день на ногах. Сейчас бы вздремнуть минут по триста на каждый глаз. Но какой сон на пустой желудок, тем более, когда с камбуза так восхитительно тянет пряностями и жареным мясом. Саид опять состряпал свой знаменитый плов.

Вспомнив маленького узбека, я улыбнулся. Это же надо, чтобы на голландском сухогрузе коком ходил узбек! Вообще-то для всего экипажа он русский, как и я. Для всех этих сэров, синьоров, мсье и мистеров, все мы – жители благополучно почившего советского государства, так и продолжаем оставаться «Иванами».

Размечтавшись о полной тарелке рассыпчатого, пахнущего перцем и луком плова, я облизнулся. Какой тут к черту сон, когда слюни, кажется, потекли аж из носа. С этого самого момента меня стала интересовать лишь одна дверь, причем легко догадаться какая.

На самом камбузе никого не оказалось. Голоса Грига, Йохансена и Саида звучали из окошка соединяющего корабельную кухню с кают-компанией. Как обычно пустой треп, в котором бородатые северяне подтрунивали над простодушным узбеком, путающемся в английских словах. Ну, на этот раз кажется парни держались в рамках дозволенного. Видать мой прошлый урок пошел им впрок. Накладывая себе приличную порцию плова, я улыбнулся. А господа скандинавы меня слегка побаиваются. И дело даже не в должности старпома. Скорее всего, магическим образом действует героическое прошлое советского военного моряка. Кстати о старых привычках. Не стану же я жрать прямо на камбузе, или того хуже, в своей каюте. Нехорошо отрываться от коллектива. Подойдя к раздаточному окну, я со стуком поставил тарелку из нержавеющей стали на белый пластиковый подоконник. На звук вся троица собеседников обернулась.

– Где тут у тебя хлеб, Саид? Что-то никак не могу найти. – Я сделал вид, что лишь секунду назад появился на камбузе, а то еще чего доброго подумают, что подслушивал.

– Алексей Кириллович! – Кок вскочил со стула. – Там в духовке, лепешки. Я сейчас принесу. – Судя по всему, Саид обрадовался моему неожиданному появлению.

– Сиди уже. Я сам.

Не люблю я когда мне прислуживают. На языке цивилизованного человечества это, конечно, называется сервисом, а я вот не могу отделаться от гадкого ощущения раболепия маленькой рыбешки перед рыбешкой покрупней. А, между прочим, человек человеку друг, товарищ и брат! Надеюсь, никто об этом не забыл?

Когда, ввалившись в кают-компанию, я принялся стягивать с себя мокрый дождевик, Григ поинтересовался:

– Ну, как там? – при этих словах бородастый норвежец красноречиво мотнул головой в сторону иллюминатора.

– Скоро начнется.

– По прогнозу семь-восемь баллов. – Проинформировал Йохансен.

– Угу.

Я был знаком с прогнозом синоптиков, и он, откровенно сказать, вовсе не вселял оптимизма. Наверняка озабоченность проступила у меня прямо на лбу, так как Григ ехидно осклабился:

– Мы с «Жокеем» бывали и не в таких переделках. Для настоящего моряка восемь баллов это баловство.

Боцман явно мстил за стычку, которая произошла между нами еще в порту, во время погрузки. Крепление караванов из труб меня мягко сказать не удовлетворило. Однако этот проныра, пользующийся полным покровительством капитана, не стал ничего исправлять. В дополнение к уже натянутым найтовым он лишь завел парочку новых тросов и как всегда юркнул за широкую спину Густава.

– Не знаю, в каких передрягах вы там бывали, – я постарался придать голосу твердость стали, – но если хотя бы один из этих чертовых найтовых лопнет, я вышвырну тебя на палубу подпирать трубы своим собственным горбом. – Сказал я это как бы между прочим. Незлобно так сказал, как будто собирался отправить боцмана на обычное рядовое задание. Типа палубу драить, что ли.

Бывалый моряк не прореагировал на грубость. Собственно говоря, для него это была и никакая не грубость, а привычный стиль общения.

– Да выдержат крепления! Я вам и раньше втолковывал, подпишусь под этим и сейчас.

– Мне бы твою уверенность, – вмешался в спор Йохансен. – В прошлом году на английском сухогрузе караван леса сорвало. Одного матроса по палубе размазало, а боцмана покалечило.

– Чего ты все каркаешь! – Григ машинально перекрестился.

– Ага... ссыш когда страшно, – зареготал электромеханик. – Даже Бога вспомнил, еретик хренов.

– Бог всегда со мной, – по виду боцмана стало понятно, что к вере тот относится серьезно, даже можно сказать трепетно.

– Хватит корчить из себя праведного христианина. Вы, лютеране, слушаете только своих проповедников, а именем Бога прикрываетесь, чтобы не прослыть кончеными язычниками.

Ну, вот... началось. Я вспомнил, каким ярым католиком слыл Йохансен. Теологические споры заводили его еще сильнее, чем красная тряпка разжигает быка. Хорошо, что Йохансен не родился лет так четыреста назад. А то в рядах служителей святейшей инквизиции наверняка появилось бы еще одно «славное» имя.

– Наши священники простые люди. Они лишь помогают каждому из братьев найти свою дорогу к Богу. К истинному Богу! – Григ стукнул по столу, да так, что забрякали стоящие на нем стеклянные стаканы. – А вот твоя вера... она насквозь лживая. Вы поклоняетесь не великому творцу, а золоту и жирным свиньям, наряженным в парчовые ряссы. Они подменили собой Бога.

Перепалка возникла как всегда на пустом месте. Слово за слово, упрек за упреком, так и пошло, и поехало. Прикольные люди эти горячие скандинавские парни. Вроде бы приятели, почти друзья, но стоит им начать выяснять, на каком языке петь псалмы... и стычка обеспечена! Свободно и легко могут глотки друг другу перегрызть.

Я с тоской посмотрел сперва на Грига, затем на Йохансена. Темные люди. С пеной у рта спорят о несуществующих вещах. Отец, сын и что там еще, святой дух, кажется, потом апостолы, ангелы, мученики, святые, полусвятые, четверть святые и прочие персонажи «Божественной комедии». Короче, намутили! Нормальному смертному, да еще и на трезвую голову в жизни не разобраться. Недаром всей этой белиберде попы учатся не один год.

Нет, мне куда более по душе теория товарища Дарвина. Все движется, все изменяется, сильные пожирают слабых, выживает тот, кто оскалив зубы дерется, а коль не выходит, то ложится на дно и приспосабливается. Все это я познал на собственной шкуре, а Бог... что-то не встречал я никакого Бога и не видывал его великих чудес.

Рассудив таким макаром, я решил прекратить склоку, грозящую перерасти в нешуточный мордобой. Полагаю, должность старпома дает на это полное право. Решил, но не успел. Меня опередили. Кто? Наш «Жокей».

Бывалый моряк всегда чувствует свой корабль. Гудение его машины, скрип переборок, набатные удары волн в стальные борта – все это становится естественными привычными ощущениями. Их уже не отличаешь от сигналов своего собственного тела. Кажется, ты знаешь, какое у корабля настроение, о чем он думает, и что у него болит. И вот как раз сейчас я услышал стон «Жокея». Грудной и протяжный он словно шел из глубины грузовых трюмов. Нет... прислушавшись, я понял, что скрежещет где-то над головой.

– Тише! – я вскочил со стула и вскинул вверх руку. – Слушайте!

Как эхо от моего голоса корпус сухогруза сотрясла серия гулких ударов.

– Что за хрень такая? – Григ задрал голову и медленно, словно радаром, просканировал взглядом потолок кают-компании. В его глазах вспыхнула тревога и растерянность. Но вряд ли он что-то мог найти на потолке. То, от чего и впрямь впору наложить в штаны, находилось совсем не над головой, а на столе, прямо перед нашими взглядами.

Чай в стакане Грига начал быстро притекать к одной из стенок. Вы скажете качка? Конечно, но будь это простая качка, дымящаяся жидкость уже через секунду должна была отхлынуть назад. Но нет. Она и не думала отступать. Чай упрямо полз к краю сосуда, словно норовя перемахнуть через стеклянный барьер. Однако не успел. Стакан вдруг сам тронулся с места и заскользил по гладкому пластику столешницы. Его никто и не подумал остановить. Все как парализованные сидели и смотрели. И только лишь когда, слетев с края стола, стакан со звоном разбился о стальной пол, оцепенение мигом разжало свои холодные мерзкие пальцы.

– Крен на правый борт и продолжает расти! – заорал я. – Всем наверх! Живо, черт бы вас побрал!

Мозг работал необычайно четко. Корабль заваливается на борт. Причиной этому мог быть либо резкий набор воды, то бишь пробоина, либо проблемы с балластом, ну или самое вероятное – смещение груза. Если крен не ликвидировать, судно захлестнет бушующий океан. Зачерпнем водицы. Зальет машины. Не сможем выйти на волну. Вот тогда всем нам точно кранты. Помочь себе можем только мы сами. А посему – свистать всех наверх!

Мы вылетели в коридор, и на ходу натягивая спасательные жилеты, кинулись к трапу, ведущему на палубу.

– Стойте! – Как старпом я должен был просчитать все варианты, в том числе и самые худшие. – Мы рядом с каютами. Всем надеть свои гидрокостюмы.

В принципе я не очень удивился, услышав ответ Грига:

– К дьяволу! Кильнемся, все равно сдохнем! Какая разница на час раньше или на час позже. До утра нас в жизни не сыщут.

Я согласился с боцманом. Водича сейчас в океане всего чуток повыше нуля. В гидрокостюме еще можно побарахтаться часов шесть-семь, но не больше. Так что лучше стоит подумать о спасении старины «Жокея».

Болезнь корабля прояснилась, как только мы очутились на верхней палубе. Стойки, найтовые цепи и тросы все же не устояли. Один из двух гигантских пакетов сорвало. Трубы рассыпались. Большая их часть съехала на правый борт, от чего и возник угрожающий крен. Еще она неудача, вернее, даже если хотите фатальное невезение — именно в развалившемся караване оказались эти два чертовых пакета из намертво счетверенных труб. Они внушали мне тревогу еще в порту. И вот сейчас выяснилось, что не без оснований. Эти громады уже успели натворить делов!

Исковеркав крышку на люке второго грузового трюма и пропоров метров пять палубного настила, они вонзились в правый фальшборт. Стальные листы ограждения и мощный планширь прогнулись, но все же выдержали чудовищный удар. Ах, лучше бы они проломались! Проклятушие пакеты ухнули бы за борт и тогда... И тогда возникала реальная опасность, что перед тем как пойти ко дну, они спокойно и легко вспорют брюхо «Жокею».

Выходит, куда не кинь, всюду клин. Неожиданно во мне вскипела бешеная ярость. Позабыв о шторме и бедственном положении корабля, мне жутко захотелось заняться одним важным делом, а именно – придушить Грига. Поддавшись этому животному инстинкту, я резко обернулся к боцману. Наверняка выражение моего лица было точь-в-точь таким, каким еще несколько лет назад западная пропаганда рисовала свирепых русских коммунистов – оскалившийся медведь в буденовке, никак не меньше.

Григ сиганул от меня как от дьявола. Никогда не мог представить, что люди, которым уже за пятьдесят, так резво, а главное далеко прыгают. И учтите, это спиной вперед, на скользкой палубе. Но не тут-то было! Убогие капиталисты, им даже в голову не может прийти, как прыгают русские медведи, особенно когда они в дикой ярости.

Я повалил Грига на палубу и с неопишуемым удовольствием поставил парочку штемпелей на его небритой физиономии. Результат меня как-то не удовлетворил, и я замахнулся еще раз. Но тут вдруг палуба под ногами встала на дыбы, а затем нас обдало бодрящим ледяным душем. Протирая залитые глаза и отплеываясь, я огляделся. О Боже! Полсотни тонн, закатанного в изоляцию металлолома, неслись прямехонько на нас. А как говорил один одессит: «Это какой же грузчик такое выдержит?»

С криком «В сторону!» я схватил Грига за шиворот и что есть силы рванул на себя. Хорошо, что в молодости я увлекался тяжелой атлетикой. Боцман подлетел вверх как штанга после рывка. Он еще не успел как следует стать на ноги, а я уже новым пинком отправил его в направлении левого борта. Самому удалось ретироваться в самый последний момент. Один из зловещих пакетов пронесся за моей спиной с грохотом раздолбанного товарняка. Вслед за лязгом последовал мощный удар. Мне даже страшно было обернуться назад. Но от реальности не уйдешь, и я медленно повернул голову.

Надстройка корабля куда более хрупкое сооружение, чем борта. Не ей сражаться со стальной гигантской кувалдой. Дураку понятно кто выиграет, а кто проиграет. Надстройка «Жокея» проиграла с ужасающим ущербом. В дыру, которую проделала невиданная стенобитная машина, впору было вставлять амбарные ворота. И это лишь внешние разрушения! Мне даже страшно было представить, что произойдет, если поврежденными оказались системы управления. Ведь именно в месте пробойны проходила часть электрических линий, идущих из рулевой рубки. Энтузиазма не добавило даже то, что от удара пакет развалился, и трубы составлявшие его, плотно засели между комингсом грузового люка и фальшбортом.

Однако, страх за судьбу корабля это лишь часть страха за собственную драгоценную жизнь. Судно пока еще на плаву, а вот у жизни появился новый враг. «Жокей» снова наткнулся на огромную волну, и ожила вторая, дремавшая доселе стальная вязанка. Она с лязгом

поползла в нашем направлении, словно пытаясь сорвать злость за гибель своего собрата. Нам определенно пришлось бы туго, не окажись на пути у труб башни грузового крана. Столкновение с ней сопровождалось таким гулом, как будто где-то рядом ударили в огромный церковный колокол.

– Так эта сука развалит нам весь корабль! – услышал я сдавленный возглас Грига.

– Да уж.

Я с тревогой покосился в сторону второго грузового трюма. Каждая новая волна, захлестнувшая палубу, отправляла в утробу «Жокея» по меньшей мере пол тонны воды. И, судя по изменившейся осадке, сухогруз уже порядком нахлебался соленого коктейля.

– Что будем делать, кэп? – Григ назвал меня капитаном, словно надеялся на таинственного русского моряка больше, чем на своего собственного шкипера.

– Что делать? Это тебя, уroda, надо спросить! – прогорланил подоспевший к нам Йохансен. – Убить тебя мало!

– Все, хватит! – осадил я электромеханика. – Где Саид?

– Тут я, – кок выглянул из-за спины Йохансена.

– Все здесь. Хорошо! – я с трудом перекрикивал вой ветра. – Значит так. От одного пакета вроде как избавились. Второй получил по башке и пока притих. Крен остается, но не он сейчас страшен. Основная проблема это палуба и крышка на люке грузового трюма. Именно через них мы и черпаем больше всего воды.

– Там, прямо под комингсом пожарный брезент, – напомнил Григ. – Люк можно будет кое как задраить.

– О брезенте я и думал, – мой одобрителный кивок стал для боцмана настоящей наградой.

– Мало нас, – прервал меня Йохансен. – На таком ветру не удержим. Унесет к гребаной матери. Куда, к дьяволу, запропастились все остальные?

Ответом электромеханику стали возня и громыхание, послышавшиеся откуда-то сзади. Мы оглянулись. Второй помощник Ян Лемер и с ним еще трое матросов тащили газовые баллоны и резак. Балансируя на ходящей ходуном палубе, они приближались к нам. Ян еще изда-лека прокричал:

– Капитан приказал залатать палубу. Но сперва распотрошим оставшийся пакет. Разрежем стягивающие его металлические полосы.

– А вы, ребята, самоубийцы, – скривился я. – Когда трубы рассыплются, от них будет сложно увернуться.

– Придется рискнуть, – Лемер глянул на меня очень решительно. – Связка весом пятьдесят тон, свободно катающаяся по палубе... Сам понимаешь – это для нас верная смерть.

– Мы справимся! – своим возгласом я решил поддать уверенности, как самому себе, так и всем тем членам экипажа, которые слышали наш разговор. – Мы должны справи...

Вдруг слова застряли поперек глотки. Я стоял лицом к баку и поэтому имел возможность краем глаза следить за курсом корабля. До сих пор «Жокей» уверенно резал форштевнем нака-тывающие волны. Вот в том-то и дело, что до сих пор! Глядя на новую десятиметровую волну, встающую у нас по носу, я понял, что корабль встретит ее не перпендикулярно, а чуток наискосок, словно подставляя свою левую стальную щеку. Стена воды высотой в три этажа это не шутка! «Жокея» развернет и положит на борт! Вот дьявол, именно на тот самый многостра-дальный правый борт!

– Берегись! – кто-то, по-моему, Григ узрел ту же опасность.

Крик боцмана было последнее, что я отчетливо помнил. Дальше все превратилось в какой-то фантазмагорический водоворот, в котором сознание выхватывало лишь отдельные кадры. Вот вставшая на дыбы палуба, по которой с ревом несутся пенные потоки воды. Вот угорело скачущие огни электрических фонарей. Сквозь залитые водой глаза они выглядели

как размазанные ослепительно белые кляксы. Вот огромные черные трубы. Громокая и скрежеща, они с одинаковой легкостью перемалывали как хрупкие человеческие тела, так и стальные конструкции фальшборта. Вот, наконец, мои собственные руки. Закоченевшими пальцами я пытался вцепиться в гладкий настил, но лишь сорвал ногти и, в конце концов, низвергнулся в бездонную пропасть.

Шестым чувством я понял, что лечу за борт. Рефлексы заставили сжаться, крепко зажмурить глаза и набрать в легкие побольше воздуха. Будь что будет. От меня уже ничего не зависело. Если повезет, не захлебнусь, а спасательный жилет не даст камнем пойти ко дну.

Удар! Плеск, а затем тишина. Я провалился в темную ледяную могилу. Нет ни верха, ни низа. Один мрак и жгучая острая боль, вызывающая судороги тела и паралич мозга. Поддавшись инстинктивному желанию согреться, я забарахтался, а затем стал судорожно грести. Стоп, дурак, что творишь? Собрав всю волю, я приказал себе остановиться. Прежде чем грести, следует знать куда. Где поверхность? Выяснить это возможно лишь одним способом – затихнуть и ждать. Показалось, что ожидание длилось целую вечность, хотя наверняка прошли лишь секунды. И вот спустя эти бесконечные мгновения океан выплюнул меня под низкое смоляное небо.

Я успел сделать лишь несколько отчаянных вдохов, как меня снова накрыла стена воды. Слава богу, на этот раз ненадолго. Проскочив гребень волны, я вновь оказался на поверхности и смог дышать. Дышать, это громко сказано! Все, на что я был способен, это судорожные всхлипы, во время которых в легкие просачивались ничтожные порции напоенного йодом и солью воздуха. Тело продолжало гореть, хотя и не так сильно как в первые секунды после падения. Это первый сигнал – я начал околевать. Осознав ужасную реальность, я принялся барахтаться и отчаянно звать на помощь.

Помощь! Она могла прийти только с корабля. Корабль! Где «Жокей»? Мой взгляд стал бешено метаться по сторонам. Вокруг ночной бушующий океан. В нем не было места свету. Непроглядная черная мгла вместо неба. Бесформенные мрачные тени по сторонам. Это волны, а не привидения. Ты отчетливо это понимаешь, когда они накрывают тебя с головой. Как холодно и жутко. Единственным спасением, единственной надеждой мог стать огонек родного корабля.

И я увидел его совсем близко, всего каких-то пол кабельтовых не больше. Это было похоже на бред. Мне почудилось, что потеряв свою телесную оболочку и смешавшись с мраком, я вознесся в небеса. И вот теперь, уже оттуда, сверху, я наблюдаю за «Жокеем». Я видел его освещенную палубу и огни ходовой рубки, зияющие чернотой грузовые трюмы и раскачивающиеся крюки подъемных кранов. Что за наваждение?! Я ведь еще не настолько замерз, чтобы начать галлюцинировать. Как я могу видеть корабль сверху?

Замешательство длилось лишь мгновение. Мозг сдернул с себя поволоку растерянности и с ужасом осознал чудовищную правду – завалившись на борт, «Жокей» медленно уходил под воду. Никогда не видел зрелища более жуткого и вместе с тем завораживающего. Перед ним размылись и поблекли холод и боль. Словно поддавшись гипнозу, я смотрел, как в клокочущей бездне метр за метром исчезает тело стального гиганта. На мгновение мне показалось, что все происходящее не реально. Будто я сидел в кинотеатре и из первого ряда наблюдаю за гибелью какого-нибудь «Посейдона» или «Титаника». Но нет, все, что творилось вокруг, это не мираж и не галлюцинация, это правда! Правда, черт бы ее побрал!

Неожиданно свет на корабле погас. Бац, и мир снова погрузился в темноту. Подобно тому, как вода затопила генераторы «Жокея», мою душу затопил ужас. Надежды на спасения больше не было. Я остался один. Один? А может, и нет? Может, еще кому-нибудь удалось спастись?

– Эй, кто-нибудь.

Первую фразу я пролепетал одними губами, робко и тихо, словно мольбу или заклинание. Меня не мог никто услышать. Я сам себя не слышал. Страх острым ножом вонзился в бешено колотящееся сердце. Это конец! Я сдохну в одиночестве, без слов утешения и поддержки. И вот тут я уже заорал в полную силу:

– Люди! Живые! Сюда! Я здесь!

Не знаю, как долго продолжалось мое соперничество с ревом бушующего океана. Может пять минут, может десять. Но, в конце концов, я сдался. Буря продолжала неистово завывать, а я лишь отплеывался от горько-соленой воды и хрипел, сипел, клокотал своей истерзанной, горящей от боли глоткой. Казалось, что голосовых связок уже нет. Их удалили, грубо и бесцеремонно, вырвали вместе с целым куском гортани. И словно доказательством этой жестокой хирургии стала кровь, вкус которой я почувствовал во рту.

Ну, вот и все. Потеряв голос, силы и надежду, я расслабился. Последние капли тепла покидали мое многотрадальное тело, а вместе с ними улетучивалась и сама жизнь. Я уже не обращал внимания на окатывающие меня с головой волны, не пытался грести и сопротивляться. Мозг, как и все остальное тело, впал в оцепенение. Перед глазами поплыл грязно-серый сумрак.

Но вдруг сквозь этот туман пробился маленький мерцающий огонек. Красной точкой он прыгал перед моим затуманенным взором, как будто индикатор пульса на экране больничного монитора.

Алая искра словно передала мне часть своего света и тепла. Оцепенения как не бывало. Поборов сковавшее меня окоченение, я стал грести навстречу заветному маячку.

Движение слегка разогрело заледеневшую кровь. Голова заметно прояснилась. Настолько, что я смог понять – колышущийся на волнах огонек – это маяк спасательного жилета. Точно такой был и у меня, только он почему-то не включился. Должно быть разбился, когда меня катало по палубе.

Грести среди десятиметровых волн это все равно, что сражаться с ветряными мельницами, даже еще бессмысленнее. Краешком своего сознания я понимал это, но все равно не переставал отчаянно работать руками и ногами. И, черт побери, огонек стал понемногу приближаться. Скорее всего, нас просто несло в одну сторону, и сближались мы по воле ветра и волн, а никак не из-за моих чахлах усилий. Но в данный момент это было не важно. У меня появилась цель. Во что бы то ни стало, я должен доплыть и вцепиться в этого человека. Для чего? Я сам не знал для чего. Скорее всего, чтобы умереть вместе, чтобы в последний момент прошептать: «Прощай, друг».

Когда нас разделяло не более дюжины метров, я принялся кричать, конечно, если можно назвать криком тот хрип, который вырывался из окоченевшей груди. Но, как ни удивительно, меня услышали, и не только услышали, но и определили, откуда идет звук. В мерцающем свете красного огонька стало видно, как мой неизвестный товарищ принялся неистово грести навстречу. Через минуту мы встретились. Багровый отблеск выхватил из темноты коротко остриженную голову и черные раскосые глаза.

– Саид! – я схватил за руку и притянул к себе маленького узбека.

– Мне холодно, командир, – жалобно простонал едва живой кок. – Мне очень холодно.

Повинуясь накрепко вбитой в башку привычке, я хотел приказать: «Держись!», но язык не повернулся. Какое уж тут, к дьяволу, «Держись».

– Мне тоже холодно, – только и смог выдавить из себя я.

– Мы умрем, командир?

В стоне Саида послышалась мольба. Он словно заклинал меня произнести заветное: «Нет, нас обязательно спасут».

– Да, умрем, – лгать не было смысла. Мы уже полчаса бултыхаемся в ледяной воде, а это само по себе – смертный приговор.

Мой ответ поверг Саида в бездну отчаяния:

– Я... я... я... не хочу умирать. Меня ждут дома.

Саид стал по-детски всхлипывать. В проблесках красных вспышек я видел его мокрое от воды и слез лицо, устремленное в небо. В этот момент я почувствовал себя большой сволочью, отнявшей у человека последнюю надежду. Наверное, лучше было бы солгать.

– Кириллович, я помолюсь, – Саид словно спросил моего разрешения.

– Помолись, друг. Пусть твой Аллах подарит нам легкую смерть.

Сказав это, я что есть сил прижал к себе кока. Мы обнялись крепче, чем братья. Отдать частичку своего тепла товарищу – вот все, что мы могли сделать друг для друга. И в какой-то момент показалось, что действительно стало теплее. Но это всего лишь на мгновение, на одно короткое мгновение. Нет, не нам соперничать с огромным ледяным океаном. Несколько минут спустя я ощутил, что сознание вновь обволакивает густое туманное марево, тело становится нечувствительным и неуправляемым, а веки наливаются свинцовой тяжестью. Из всех чувств мне пока не изменил лишь слух. Я продолжал отчетливо слышать вой ветра, плеск волн и монотонное бормотание Саида.

Первый раз в жизни я пожалел, что не верю в Бога. Наверняка легче умирать, зная, что впереди тебя ждет не мрачное ничто, а новая вечная жизнь, полная спокойствия и блаженства. Хотя, что-то не верится в рай на небесах. Даже самые рьяные религиозные фанатики до последнего цепляются за этот бранный мир, а не спешат выстроиться на прием к палачу. Вот и Саид... Саид! Я вдруг понял, что больше не слышу голоса своего товарища.

Напрягая последние силы, я расплющил тяжелые непослушные веки и глянул в лицо кока. Оно было спокойно и недвижимо как гипсовая маска. Возможно, Саид еще был жив, однако уже окончательно лишился сознания.

Ну, вот и все. Теперь мой черед. Я уткнулся лицом в неподвижное плечо кока и попытался поскорее забыться. Один, два, три... Я считал, словно в ожидании, когда подействует наркоз. Десять, одиннадцать, двенадцать... Подействовало. Сознание угасало, растворяясь в крошечной мгле. Мгла! Я так и знал! Я же говорил, что ТАМ ничего нет. Именно с этой мыслью я и провалился в мрачное никуда.

Глава 2.

Сознание возвратилось одним махом. Складывалось впечатление, что еще секунду назад я и вовсе не существовал, а затем бах... и ваш покорный слуга материализовался в полном здравии и уме, способный видеть, слышать, чувствовать и размышлять. Кстати, а поразмышлять было над чем. Последнее, что я помнил, это ледяной, свирепый, жестокий океан, который словно ненасытный вампир выпил из меня все тепло, а вместе с ним и жизнь. Все это было. Ей богу было! А что теперь? А теперь я лежу на рифленом металлическом полу, уткнувши взгляд в хорошо знакомую фирменную надпись «Schindler». Это что – лифт? Едва заметная вибрация и легкое гудение электромотора развеяли всякие сомнения.

Что за черт?! Я поднялся на колени и огляделся по сторонам. Точно лифт. Причем большой, такой, какие обычно ставят в многолюдных учреждениях или бизнес-центрах. Стены из полированной стали, раздвижная дверь и огромное, в рост человека, зеркало. Все как положено, все как всегда. Однако, чего-то не хватает. Ах, вот в чем дело! Я понял что искал, но никак не находил. В кабине лифта и в помине не было панели управления. Только одна кнопка. Большая, светящаяся белым кнопка с нанесенным на ней символом. Огненно-красное солнце с закрученными по спирали лучами. Я знал этот символ – знак вечного движения. Оставалось лишь выяснить движения куда?

Такая, я бы сказал, упрощенная система управления наталкивала на мысль, что я в каком-то техническом или служебном подъемнике. А вдруг, это и впрямь грузовой лифт? Я непро-

извольно еще раз огляделся по сторонам. Не похоже. Все сверкает новизной, ни пылинки, ни царапинки. А главное, в грузовых лифтах не ставят зеркал.

Повернувшись к зеркалу, я поглядел на себя. Н-н-да... Похоже, что мои воспоминания о крушении «Жокея» это не дурной сон, а все-таки что-то такое напоминающее правду. Доказательства, как говорится, налицо. На мне красовался все тот же желтый дождевик, поверх которого был надет спасательный жилет. Заметьте, надутый жилет. Воспоминания оказались бы полными и абсолютно подтвержденными, окажись я мокрым и дрожащим от холода. Но вот чего не было, того не было. Одежда сухая и чистая, как будто только что из шкафа, а самому мне тепло и комфортно. Вот загадка, так загадка!

Не беда, разберемся. Я ободряюще подмигнул своему отражению, и оно мне ответило такой же дурацкой кислой улыбкой. Несколько секунд мы строили друг другу рожи. Странное дело, почему-то показалось, что отражение не поспевает за мной. Словно я смотрю не в зеркало, а в прозрачное стеклянное окно, за которым мой двойник пытается копировать все движения оригинала. Да и сам двойник выглядел как-то странно. Никак не похож на человека, только что пережившего кораблекрушение. Скорее смахивает на клиента фотоателье. Знаете, когда приходят запечатлеть свой драгоценный облик для заграничного паспорта. Все должно быть чики-пики. Побольше глянца и респектабельности, чтобы у клерка в иностранном посольстве сложилась полная иллюзия, что перед ним солидный российский бизнесмен, а никак не какой-нибудь гастарбайтер Вася. Лично мне никогда не нравился такой стиль. Вот и сейчас я чисто автоматически разлохматил наполненные легкой сединой каштановые волосы, сурово сдвинул густые брови и хищно пробуравил Глебова номер два немигающим взглядом серых глаз. Так то вот получше будет. Теперь понятно – визы здесь выдаю я.

Дзинь! Легкий толчок остановки и дверь за моей спиной услужливо расползлась. Ну, что ж, сейчас посмотрим, в какую такую кантору меня занесло. Чтобы не выглядеть полным идиотом я поспешно сдавил выпускной клапан спасательного жилета. Как только резина ослабила хватку, я стянул оранжевый слюнявчик и под свист выходящего газа сделал первый осторожный шаг наружу.

Мы так привыкли лицезреть за дверью лифта зашитый в мрамор или гранит вестибюль, что я даже опешил, обнаружив за порогом обычную комнату. Вернее нет, не совсем обычную, а довольно большую. Пять метров на пятнадцать, чисто машинально прикинул я размер помещения, напоминавшего бухгалтерию мясокомбината во время ревизии. Стеллажи, гнущиеся под тяжестью пухлых папок и подшивок, плакаты с графиками и схемами, невообразимое количество записок и памяток, прищипленных к стене обычными конторскими кнопками. И, естественно, эпицентр всего этого эпистолярного царства – огромный письменный стол.

За столом, слегка покачиваясь в высоком рабочем кресле, восседал розовощекий лысый толстяк в дорогом черном костюме и поблескивающих золотой оправой очках. При моем появлении работоголик даже не вздрогнул. Продолжая сосредоточенно просматривать какие-то бумаги, он лишь метнул в мою сторону быстрый взгляд узких поросячьих глазок и едва заметно кивнул. Что означал этот кивок я так и не понял. Может приветствие, а может просто хозяин кабинета таким образом отметил для себя появление очередного клиента.

Не скрою, я был ошарашен. Куда это меня занесло? Сколько времени прошло с момента катастрофы? Удалось ли спасти еще кого-нибудь из экипажа? Вопросы роились во всклокоченном мозгу и рвались наружу. Однако, что-то мешало их задать. Что-то в этой комнате было не так. Что-то неуловимое нашептывало мне: «Рано радуешься своему спасению. Впереди, друг сердешный, тебя ждет еще уйма неприятностей».

Я тут же среагировал на предупреждение внутреннего голоса. Начнем с того, что меня должны заметить, и не просто заметить, а понять, что я человек, с которым должно считаться. Вторично пробежав взглядом по комнате, я обнаружил стул, на котором громоздилась полуметровая кипа бумаг. Стул – это то, что мне нужно. Не торчать же вечно в дверях! Храня мол-

чание, я сгрузил макулатуру прямо на пол и завладел заветным насестом. Затем, громко топая ботинками, прошагал через половину просторного офиса и опустил стул у самого письменного стола. Усевшись аккуратно напротив молчаливого хозяина, я состроил скучающую мину.

– Вы, господин Глебов, именно такой, каким я вас себе и представлял, – толстяк на секунду оторвался от чтения и удосужил меня своеобразным приветствием, подкрепленным ехидной ухмылкой. Правда, дальше дело застопорилось. Он снова уткнул глаза в распечатку словно позабыв о моем присутствии.

Ну, ладно, я тоже не останусь в долгу. Хотя меня и раздирают любопытство и нетерпение, буду спокойным и непробиваемым. Для затравки неплохо бы привлечь внимание каким-нибудь простым и нейтральным вопросом: «Как пройти в библиотеку?» или «Бабуля, закурить есть?» Перебирая варианты, я закусил губу. Неожиданно взгляд уперся в золоченую раму и хорошо знакомые женские черты. На стене напротив висела картина. Вообще-то сложно назвать картиной взгляд живых карих глаз и нескрываемую иронию нежных губ. Я никогда не видел «Джоконду» в оригинале, но эта имитация показалась мне совершенной.

– Хорошая у вас копия, – не отрываясь, я смотрел на поблескивающий лаком холст.

– Копия? – Бюрократ поднял глаза на меня, затем перевел взгляд на картину и, в конце концов, насмешливо хмыкнул. – Ну почему же копия? Это что ни на есть самый настоящий оригинал.

– А что же тогда хранится в Лувре? – пришла моя очередь улыбнуться.

– Мазня, – толстяк поставил подпись на последней прочитанной странице и спрятал документы в роскошную кожаную папку с золотым тиснением. – Как-то попробовал скопировать творение старины Леонардо. Ни хрена не получилось. Но работа проделана, не выбрасывать же, в самом то деле. Вот и сплавил по дешевке. А глупые французишки с руками оторвали.

– Угу, – мне стало смешно от той честности, которой сияли глаза незнакомца. – То-то я смотрю ваша Мона Лиза улыбается чуток по-другому, более кровожадно, что ли.

– Да Винчи был мастер передавать чувства. Вот и здесь не подкачал. Я тогда лишь на мгновение утратил контроль и замечтался, а он раз... и подхватил настроение. – Толстяк с мечтательной улыбкой уставился в пустоту над моей головой, словно и впрямь вспоминал славный шестнадцатый век. Как бы разговаривая сам с собой, он продолжил. – Именно в тот самый миг я и понял, что этот бородатый экземпляр обязательно будет моим. Безбожник он и есть безбожник. Как бы искусно не маскировался, а все равно бунтарское естество вылезет наружу. Вот так и Леонардо. С богом готов был поспорить. А это, знаете ли, на небесах совсем не приветствуется.

– Что вы говорите...

Веселость в моей душе сменилась беспокойством. Да этот мужик похоже псих!

– Вы, Алексей Кириллович, кажется, изволили поставить под сомнения мои слова? – в голосе толстяка послышалась обида.

– Да нет, я вам верю, – я улыбнулся самой обезоруживающей улыбкой, на которую был способен. – Вот только за последние пятьсот лет вы несколько изменились и, насколько я вижу, сменили пол.

– Внешность, размеры, пол... Для меня это не имеет ровным счетом никакого значения. Кстати, точно так же, как и время. Я всегда был, есть и буду. – Незнакомец поднялся с кресла и протянул мне руку. – Пришло время познакомиться. Разрешите представиться, Дьявол.

– Дьявол? – в моем мозгу сам собой всплыл диалог двух врачей из психушки: «В какой палате у нас прокурор? В шестой. Там, где раньше Наполеон был».

– Да, Дьявол, – на лице хозяина канцелярии не было ни тени сомнения или издевки. – Или если вам больше нравится Люцифер, Сатана, Зверь, Черт. Выбирайте.

– Ну, зачем же? Дьявол меня вполне устраивает. – Чтобы не распалить явно больного на голову человека, я поспешил подать ему руку.

Когда наши ладони соприкоснулись, я вздрогнул от холода и мрака. И это не тот холод и мрак, который я чувствовал в океане. Это что-то бездонное и неизмеримо более ужасное. Не в силах разорвать рукопожатие, я замер бессвязно бормоча:

– Не знаю... Неужели... Не может быть...

– Вижу, вы все еще сомневаетесь, – толстяк милостиво отпустил мою заледеневшую ладонь. – Вас сбивает с толку мой облик. – Он медленно и чинно осел в кресло, жестом приглашая меня сделать то же самое. Когда мы уселись, мой собеседник продолжил тоном школьного учителя, растолковывающего элементарные вещи непонятливому первокласснику. – В восприятии большинства людей дьявол – это когтистое, рогатое и хвостатое создание со свирепым норовом. И что самое обидное – абсолютно не коммуникабельное. Так или нет?

Я все еще не оправился от шока, вызванного прикосновением к этому существу. Поэтому не стал спорить и молча кивнул.

– Вот видите, – оживился мой собеседник. – А не задумывались ли вы, Алексей Кириллович, откуда взялся столь неприглядный облик? Нет? А я вам отвечу. Все началось еще в первом веке. Темные невежественные времена и люди под стать им. Они воплощали свои первобытные страхи в образы чудовищ и приведений. Вот так и с моим портретом. Одному из древних иудеев я привиделся именно в облике свирепого огнедышащего козла. Фантазии у человека ни на грош! Хотя если разобраться, что еще мог представить изрядно подвыпивший пастух?

– Вы хотите сказать, что дьявол таков, каким его хотят видеть? – Хотя мне и было трудно соображать, но мораль сей басни я уловил.

– Вот именно! – толстяк обрадовался моему прозрению.

– Но тогда все это... – мой взгляд скользнул по пыльным полкам и кипам бумаг.

– Беда с вами, атеистами, – владелец золоченых очков покачал головой. – Для вас Бог это подвыпивший бард, кричащий со сцены надрывным хриплым голосом, а Дьявол – бюрократ, забаррикадировавшийся в своей уютной конторке. – Иллюстрируя правоту своих слов, толстяк сделал широкий жест.

– Так что ж получается? Вот это все нафантазировал я сам? – в голову звездануло неожиданное открытие.

– Ну, в общем-то, обычно у меня в кабинете гораздо чище и уютнее.

– В кабинете?

– Именно, в кабинете, – тот, кто называл себя Дьяволом, снисходительно улыбнулся. – Все течет, все изменяется. Вот и я привык, знаете ли, к комфорту и благам двадцать первого века.

Только сейчас я пришел в себя. Опомнись, дорогой Алексей Кириллович! Что за чушь несешь ты и что за пургу пытаются втюхать тебе? Какой нахрен Бог? Какой, к дьяволу, Дьявол? Что за бред?! Где я?

Или сомнения уж больно явно отразились на моем лице, или толстяк умел читать мысли. Как бы там ни было, его следующее предложение пришлось как нельзя более к месту:

– Если хотите, можете представить, что находитесь в офисе солидной горнодобывающей компании. Это будет не так уж и далеко от истины.

Что? Горнодобывающая компания? Мозг начал набирать обороты. Лифт спускался довольно долго, окон в этом помещении нет и в помине, воздух отдает металлом в смеси с каким-то синтетическим дерьмом. Вот оно! Я на одном из секретных объектов, и, скорее всего, глубоко под землей. Уцепившись за знакомую тему, я уже не мог ее отпустить. Так, где бы этот бункер мог находиться? Кому он принадлежит? Зачем меня притащили сюда? Какой смысл во всей этой хренотени, которую мне вливают уже битых полчаса?

Последний вопрос подтолкнул меня к необычайно важному открытию. Во всем, что творится вокруг, нет ни малейшего смысла! Это не реальный мир. Это галлюцинация, плод моего аномально функционирующего мозга. Однако, довольно правдоподобный плод. Вокруг все так

правдоподобно. И этот разжиревший сатанист, и все его логово... Скосивши глаза, я вдруг заметил, что в кабинете кое-что изменилось. Нет, мебель да кипы бумаг никуда не исчезли, однако стали выглядеть слегка по-другому. Стеллажи, тумбы и сам письменный стол заметно поднабрали респектабельности или даже помпезности. Если раньше можно было сказать, что вся обстановка приобретена в дешевом универсальном магазине, то теперь в каждой полированной поверхности угадывалось дорогущее красное дерево. Все плоды многолетней бюрократической деятельности невидимая рука запихнула в разноцветные пластиковые папки и аккуратно расставила по полкам. Но самое удивительное произошло с так называемой наглядной агитацией. Вместо бесполезных графиков и плакатов на стенах появились геологические карты и схемы каких-то грандиозных горных разработок.

Господи боже мой! Толстяк предложил тему, и я как послушный школяр выполнил задание. Это что ж получается, он может мне приказать, и я нафантазирую все что угодно. У меня екнуло сердце. Черт побери, а ведь я так, к примеру, могу пожелать пройтись по секретным боевым постам российских военных кораблей или во мне вдруг проснется художник, и я без остановки начну чертить схемы подземных ядерных хранилищ.

Ах вот оно что! Меня накачали какой-то психотропной дрянью. Я не контролирую себя. А вот этот субъект в золоченых очках наверняка из какой-нибудь британской МИ5, до них ведь тут рукой подать. Может даже кликуха у него и впрямь – Дьявол. Это же надо, такой лапши навешал, козел драный! Но не на того напал! Раз я все это вкурил, значит действие галлюциногенов уже проходит. Ах да я! Ах да сукин сын! Смог! Продержался! Выдюжал! Сейчас восстановлю контроль, а вот тогда мы и посмотрим кто кого.

Понимая, что все вокруг не более чем плод моего затуманенного наркотиками воображения, я сконцентрировался на лице агента. Интересно, что он мне скажет теперь? Предложит деньги или выложит на стол поспешно состряпанный компромат? Конечно, такой случай! Русский шпион отправил на дно голландский сухогруз вместе со всей командой. Основания для диверсии? Да найдут какое-нибудь. Типа русские стремятся сорвать строительство альтернативного газопровода и единолично доминировать на европейском рынке голубого топлива.

Пока я строил разнообразные теории, хозяин кабинета терпеливо ждал, пристально буравя меня своими черными колючими глазами. Он явно был опытным физиономистом, так как сразу засек мое возвращение из мира гипотез, страхов и догадок.

Толстяк язвительно улыбнулся, перевел взгляд с моего лица на письменный стол и стал лениво перебирать появившиеся на нем предметы. Я чем угодно готов был поклясться, что еще минуту назад их там не было. Зато сейчас... Спецагент швырнул в мусорную корзину новейшую модель диктофона, даже не удосужившись его выключить. В папки с грифом «Совершенно секретно» он лишь мельком заглянул, а затем отправил их вслед за диктофоном. Покончив с этим занятием, хозяин кабинета снял очки и стал их старательно протирать белым батистовым платочком, на котором красовался искусно вышитый вензель «D».

– Ну что, наигрались в шпионов? – насмешливо поинтересовался он между делом.

Честно говоря, шутливый тон, с которым было произнесено слово «шпион», а так же невероятные метаморфозы предметов, окончательно сбили меня с толку. Не зная, что и думать, я так и не разродился достойным ответом.

– Очень жаль, что вы так медленно соображаете, – толстяк сокрушенно покачал головой. – Я, Алексей Кириллович, хочу сделать вам одно предложение... – Мой собеседник перестал полировать и без того чистые стекла и наставительно поднял палец вверх, как бы подчеркивая особую значимость своих слов. – Заметьте, важное предложение! И ответить на него вы должны здесь и сейчас.

Глава 3.

Когда два здоровенных жлоба волокли меня в место, значащееся у жирюги под грифом «Ад-8», я даже не сопротивлялся. Не было ни какого смысла. Смуглолицые громилы схватили меня, один за руки, другой за ноги, и как пушинку потащили сквозь лабиринт полутемных коридоров. Нет, сперва я, конечно, пробовал трепыхаться. Но все старания ни к чему не привели. Мои конвоиры, или вернее будет сказать носильщики, просто их не заметили. Почувствовав такую силищу, я расслабился и, как говорится, получал удовольствие. Видать, в моем случае гораздо уместней напрягать не мышцы, а серое вещество.

Рассудив таким образом, я попытался сосредоточиться. Честно говоря, это было нелегко. Раскачиваясь из стороны в сторону, я ощущал себя дичью, которую кровожадные людоеды привязали к прочному вертелу и, облизываясь, тянут на костер. Ассоциация прямо сказать бредовая. Хотя она ничуть не лучше той чуши, которую предложил мне господин Дьявол. Помнится, после его слов я зашелся таким истерическим смехом, что даже озадачил самого властителя тьмы. Еще бы! Я настроился с достоинством противостоять проискам иностранной разведки, а вместо этого получил предложение стать, кем бы вы подумали? Бесом-искусителем!

Да... как это ни прискорбно осознавать, но все, виденное мной, это никак не следствие действия секретных галлюциногенов, это предсмертная шизофрения, бред замерзающего в просторах Атлантики человека. Ну, что ж, бредить так бредить – широко, весело, с истинно русской удалью. Отдышавшись от смеха, я послал Дьявола на три веселых буквы. А чтобы рогатый поскорее отправился в указанном направлении, пришлось его поторопить. Не долго думая, я схватил со стола увесистый письменный прибор и запустил им в надменно ухмыляющуюся физиономию. Не скажу, что меня распирало от злости. Скорее сработал инстинкт загнанного зверя. Захотелось, во что бы то ни стало, вырваться из этого сумасшедшего дома. Пусть даже придется переступить через труп очаровашки психиатра.

Однако не вышло. Толстяк лишь легонько шевельнул рукой, и сверкающая золотом подставка для ручек и карандашей отлетела в сторону. Он продолжал все также пристально глядеть на меня. Вот только взгляд этот изменился. Ирония бесследно испарилась, а на смену ей пришла лютая злоба. Находясь под прицелом этих черных пулеметных амбразур, я почувствовал себя очень и очень неуютно. Сейчас бы переключить канал и более приятно провести последние мгновения своей жизни. К примеру, компания двух прелестниц меня бы вполне устроила. Брюнетка и блондинка с выкальывающими глаза сиськами и резиновыми попками. Упитья их ласками и горячим влажным дыханием...

Канал переключился, мягко выражаясь, не совсем удачно. Вместо чарующих гейш как из-под земли выросли эти две гориллы. Школу я закончил давненько и уже не помню точно, как выглядели древние неандертальцы, но, по-моему, это именно они. Повязали меня и тянут неизвестно куда. Видение, прямо сказать, не из лучших. Может встрепенуться и хоть на мгновение прийти в себя? От этой мысли я вздрогнул. Очнуться и снова оказаться в разъяренном ледяном океане?! Нет уж! Лучше оставаться здесь. Досмотрю эту героическую фэнтези. Думаю, не так уж долго осталось.

В одном из встречающихся на нашем пути сводчатых залов, меня как свежеподстреленную дичь бросили на грубо сколоченный деревянный стол. Было похоже, что это лишь временная остановка на пути следования в неизвестность, и она нужна... Меня передернуло от страха, когда я догадался для чего именно она нужна. Один из неандертальцев вытянул из горящего неподалеку очага разогретый до красна прут. На конце его ярко светилось клеймо. «666» или «999»? Нет... все же, скорее всего, первое. Слыхал я, что Дьявол неравнодушен к шестеркам, вот и лепит их мерзкие символы куда попало. Но вот только зачем же на меня?! Э...! Э...! Вы чего, гады?! А-а-а! Я заорал во всю глотку, когда раскаленное железо с шипением коснулось моей руки.

Кричи не кричи, а дело сделано. От меня воняло как от обшмаленной свиньи, да и сам я был как свинья, клейменный и номерованный. Крики боли плавно переросли в трехэтажный

мат, которым я покрывал своих мучителей. Но они на это не обращали ровным счетом никакого внимания. Подхватили и, не говоря ни слова, поволокли в «счастливое светлое» будущее.

Видать, я уже одной ногой переступил за черту смерти. Это стало понятно, когда все вокруг окрасилось в зловещие багровые тона. Свет шел из конца туннеля, к которому меня волокли. Нет смысла предугадывать, что там впереди. Все равно не угадаешь. Воспаленное воображение иногда рисует такое...

– Стойте! Не надо! Куда! – завопил я, когда с разгону меня швырнули в красную пустоту.

Падая, я все же нашел в себе силы, чтобы не зажмурить глаза. Вверху алое небо, снизу каменистая ржаво-желтая земля, словно я вдруг очутился на Марсе. В полет меня отправили с порядочной высоты, трепыхаясь в воздухе, я успел это смекнуть. Удар о камни переломает все кости. Так может лучше сразу головой вниз?

Вот он, проклятый инстинкт самосохранения! Я не смог заставить себя спикировать рыбкой. Наоборот, вместо этого сгруппировался, а в последний миг изогнулся словно кошка, стараясь упасть точно на ноги.

Удар! Страшный удар! Спружинить оказалось практически невозможно. Единственное, что удалось, так это перекувыркнуться, избежав столкновения с огромным валуном. Сила инерции покатила меня по крутому каменистому склону. Сколько кульбитов я совершил? Десяток, а может и два. Но рано или поздно все заканчивается. Вот и мои акробатические упражнения завершились, когда окутанный облаком пыли исцарапанный и избитый я врезался во что-то мягкое. Вернее не я врезался, а оно рухнуло на меня, намертво прижимая к земле.

Черт побери, как больно! Боль это было первое, что я почувствовал после приземления. Голова еще кружилась, перед глазами плыли радужные пятна, но сознание уже корчилось и извивалось под ударами десятков безжалостных кинжалов. Я лежал лицом вниз, умываясь кровавой юшкой, текущей из вдрызг разбитого лица. Привстать или перевернуться казалось невыполнимым. Нестерпимые мучения причиняло даже легкое, едва заметное шевеление. Похоже, я действительно превратился в перемолотую котлету. Во мне не осталось ни костей, ни суставов, одна только сплошная кровоточащая аморфная масса.

– Вставай и беги, иначе пожалеешь, что на свет народился.

Голос прозвучал над самым ухом. Станный голос. Скорее всего, женский, причем совсем не старший, только с какой-то необычной хрипотцой. Одновременно с голосом я почувствовал прикосновение. Опять это мягкое, но сильное прикосновение. Правда, если раньше меня прижимали к земле, то теперь явно старались поднять на ноги. Тщетные попытки. Вряд ли я смогу ходить на переломанных ногах. То ли эта мысль, то ли неловкое движение моей помощницы вызвало приступ обжигающей острой боли. Не в силах сдержаться, я громко застонал.

– Ты должен перетерпеть и подняться, – женщина стала помогать мне более осторожно. – Демоны нарочно сбросили тебя с высоты, чтобы покалечить и заставить страдать. Видать ты чем-то сильно ЕГО разозлил.

– Вот скотина лысая! – первые слова, которые я прохрипел, абсолютно не подходили для женских ушей, зато прекрасно передавали вскипевшую во мне ярость. – Дай только срок, и я до тебя доберусь!

Злость словно добавила сил. Пользуясь поддержкой неизвестной сестры милосердия, я кое-как встал на четвереньки. Странно, что мне это удалось, ведь насколько я видел, левая штанина была насквозь пропитана кровью. Даже жутко представить, что там под изодранной джинсовкой. Но какой же я мужик, если покажу свой страх и боль женщине.

– Ничего, сестренка, мы еще повоюем, – я заранее заготовил героическую улыбку и, стараясь не испортить ее гримасой боли, повернулся к своей спасительнице.

Натолкнувшись взглядом на миндалевидные желтые глаза с узкими вертикальными щелочками зрачков, я так и застыл, по инерции продолжая по-идиотски улыбаться. Да, я улы-

бался, а сам судорожно шарил рукой по земле в поисках подходящего увесистого булыжника. Хотя на кой хрен мне сдался, этот самый булыжник?! Разве можно камнем защититься от когтей огромной львицы? Худая, облезлая, но от этого не мене опасная. Даже больше того, наверняка свирепая и голодная.

– Не бойся, я не причиню тебе вреда, – львица отступила на шаг, давая мне возможность опомниться.

– Хорошая киска. Спокойно. Не нервничай. Я сейчас отсюда уйду.

В тональности «цыпа-цыпа» я стал бормотать успокаивающие слова и в это же самое время потихоньку сдавать назад. Первое же движение напомнило о ранах. Я громко вскрикнул.

– Никуда ты не уйдешь, – львица горько покачала головой. – Мы здесь заперты навечно.

Что значили ее слова? Смертная тоска, звучавшая в голосе зверя, поразила меня гораздо больше, чем само умение говорить. В таком расположении духа ей самой впору кинуться со скалы, а не убивать жалкое истерзанное создание, каким сейчас и являлся ваш покорный слуга. Поднакопив решимости, я уже собирался спросить, куда это меня занесло и что значит «заперты навечно». Как вдруг львица затряслась, поджала хвост и стала отступать назад.

Существо, перед которым спасовала моя новая знакомая, как будто материализовалось из окружающих теней. Такое же мрачное и бездушное. Оно нависло надо мной как скала, закрывая собой половину багрового неба.

Что за тварь такая? Я навел резкость и обнаружил, что в трех шагах от меня стоит огромный черный, размером с микроавтобус зверь. Или три зверя? Вопрос возник сразу после того, как на меня глянули три пары хищных, совершенно непохожих друг на друга глаз. Это были желтые, наделенные гипнотическим свойством глаза змеи, налитые кровью глаза гиены и зеленые бездушные глаза крокодила.

Страшная компания явилась по мою душу. Я подумал об этом и тут же понял, что кое в чем ошибаюсь. Зверь был один, но он оказался слеплен из частей трех различных монстров. Собачье туловище и лапы, змеиный хвост, а вместо шерсти крокодила кожа с хорошо различимым гребнем вдоль всего хребта. Ну и самое невероятное – у страшилища действительно было три головы: змеиная, крокодила и голова гиены. Все они скалили свои кровожадные пасти, из которых торчали острые клыки самого многообещающего вида. Да-а-а... Если такие вцепятся, да еще все разом, то мало не покажется.

Странное дело, но я не почувствовал страха. Появление львицы произвело на меня гораздо большее впечатление, чем вот это чудо-юдо. Львица – понятная физическая опасность. Она вполне могла оказаться реальностью. Ну, а вот этот гребаный мутант... Он уж точно плод моего воображения.

И надо же так подфартить! Именно в этот момент появилась возможность проверить это мое предположение. Я нащупал то, что, не переставая, искал уже несколько минут. Увесистый камень с острыми краями словно сам собой лег в руку. Вовремя! Монстру надоело на меня пялиться, и он решил попробовать русского тела.

– Получи фашист гранату! – именно с таким неизвестно почему пришедшим в голову воплем я метнул двухкилограммовую каменюку прямо в ближайшую из разинутых пастей.

Такой наглости чудовище никак не ожидало. Оно даже и не подумало увернуться. Кусок базальта, выпущенный со всей силой, какая только во мне осталась, с хрустом вышиб пятку шипообразных клыков и кляпом вошел в зловонную крокодилю глотку. Прекрасно! А что теперь? Как развивать достигнутый успех? Вскочить, надавать по ушам гиене и свернуть шею змее?

Я так и не успел ничего придумать, а тем более предпринять. Львица решила все за меня. Одним прыжком она преодолела расстояние, разделяющее нас. Все, что мне удалось, так это ойкнуть прежде, чем острые зубы накрепко впились в прочный воротник моего желтого дождевика. Мощный рывок и меня как котенка поволокли за шиворот прочь от места сражения.

Львица не церемонилась. Не обращая внимания на мои стоны и проклятия, она огромными скачками неслась к берегу неширокой горной реки, шумевшей метрах в тридцати от нас.

Хорошо, что мы спустились вниз по склону, но очень плохо, что этот самый склон сплошь состоял из каменных глыб с острыми сколотыми краями. К тому моменту, когда мы добрались до реки, одежда на мне превратилась в жалкие лохмотья, а задница и ноги кровоточили, словно шкуру с них содрали изуверской шлифовальной машинкой.

Облегчение пришло лишь, когда мы бухнулись в реку. Холодная вода не только притупила боль, но и освежила голову. Мать моя родная, ну и чушь мне привиделась!

Истошный рык вдруг ударил в спину. Как, неужели вторая серия? Я с подозрением обернулся. Так и есть. Чудовищный монстр стоял на берегу и словно турбина авиалайнера ревел всеми своими тремя глотками. Зверь почти настиг нас и уже готовился к кровавому пиру, однако дичь неожиданно сиганула в реку. Странно, что трехголовое страшилище не последовало за нами. Неужели боится промочить ноги? В этой речушке не утонет даже ребенок, не то, что такая негабаритная туша.

– Пойдем. Цербер больше не будет нас преследовать. Река Ахерон – это граница, за которую ему запрещено заходить. – Львица отпустила меня и побрела к противоположному берегу.

Очень бессердечно с ее стороны. Все время помогать, а тут бросить посреди стремительного потока. Видать, она преподает мне урок. Мол, спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Делать нечего. Я двинулся вперед. Наполовину плыл, наполовину плелся по дну, едва шевеля разбитыми ногами. Хромание до берега заняло минут пять-семь. Все это время я прокручивал в голове последние слова львицы. Демоны, Цербер – хорошо знакомые библейские персонажи. Мы никогда не воспринимали их всерьез. Кто для нас Демон? Приходит в голову лишь ГАИшник, притаившийся за придорожным деревом. А Цербер? Вот тут не ошибешься – зам по тылу нашей военно-морской базы. Непроизвольно я оглянулся, словно пытался выяснить, действительно ли черная каменная бестия похожа на высокого худошавого капитана первого ранга по прозвищу Брандспойт.

Однако за спиной у меня никого не оказалось. Цербер исчез. Его не было видно ни на берегу, ни на всем хорошо просматриваемом каменистом склоне. Чудовище снова растаяло в воздухе, оставшись только в моих воспоминаниях. Ну, что ж... я твердо решил ничему не удивляться. Раз это идиотский сон, то и его персонажи должны поступать соответственно.

Но сон сном, а тело у меня болело очень даже натурально. И с ранами следовало что-то немедленно делать. Перевязать, наложить шины, или на худой конец просто осмотреть. Этим-то я и занялся, как только добрался до суши. Выбрав валун покрупнее, я уселся на него и стал стягивать бесполезный дождевик. Погода в этом краю стояла жаркая и сухая, так что от лишней одежды следовало избавиться. Тем более, что после всех перипетий, происшедших со мной, и одеждой то ее назвать язык как-то не поворачивался.

– Идем, мы не должны надолго останавливаться, – львица стояла невдалеке и опасно озиралась по сторонам.

– Думаешь, я смогу идти? – выдохнул я после того, как вынырнул из шерстяного свитера.

– Ты должен привыкнуть к боли. Теперь боль будет преследовать тебя вечно.

– Что за чушь ты несешь?

Глубоко вздохнув, словно перед глубоким погружением, я наконец решился закатать штанину. Хвала всевышнему, кость вроде бы цела! Икроножная мышца конечно больше походит на свежее изрезанный гуляш, но главное кость. Теперь важно не подхватить заражение. Интересно, а во снах тоже бродят инфекции и вирусы?

Я не успел додумать эту свою мысль. Вдалеке загрохотало словно артиллерийская канонада, а спустя мгновение на горизонте начало сгущаться подозрительного вида облако. Очень странное облако. Складывалось впечатление, что по небу несутся несколько электрических

осьминогов. Их щупальца скручивались и переплетались, то и дело образуя плотную черную паутину. Время от времени по ячейкам этой сети пробегали яркие огненные молнии.

– Идем же, я сказала! – львица подскочила ко мне и ударом лапы бесцеремонно спихнула с насиденного камня.

Ничего не оставалось, как повиноваться. Она знала что-то такое, чего не знал я. И пока мы не сравняемся в знаниях, нечего пускать пузыри.

Я сделал несколько неуверенных шагов. Больно, но уже терпимо. Скорее всего, анестезирующей стала сама мысль, что ноги целы и не превратились в дешевый суповый набор. Правда, продолжают надсаживать ребра. Особенно слева. Эх, перевязка сейчас бы совсем не помешала!

– Ни в коем случае не останавливайся, – львица заметила, что я снова притормозил. – Они должны видеть, что мы возвращаемся.

– Да кто они? Куда возвращаемся? И что это за место?

Вокруг меня все туже и туже навивался клубок странностей и загадок. Не имея ни малейшего представления о том, что происходит, я психанул и рысью захромавшей кобылы припустил вслед за огромной кошкой. Ответы требовались немедленно. Если нас подстерегает опасность, к ней следует быть готовым.

– У нас впереди долгая дорога. По пути тебе все расскажу.

Глава 4.

Гроза прекратилась также неожиданно, как и началась. Облако, которого так боялась львица, ракетой взмыло ввысь и исчезло, смешавшись с клубами низкого багрового марева. Все вокруг успокоилось. Каменная пустыня вновь казалась угрюмой и безжизненной.

Я ковлял вслед за Дионой, именно так назвалась моя четвероногая спутница, и пытался сосредоточиться на ее рассказе. Если верить львице, то мы находились в аду. Да-да, вот этот пустынный марсианский пейзаж, источенные горячим ветром скалы и красное небо – это и есть то самое жуткое место, куда испокон веков низвергают грешников со всего мира. Их души попадают сюда, чтобы терпеть вечные мучения и служить безжалостному властителю тьмы.

Услышав такие малоприятные новости, у меня екнуло сердце. А вдруг, правда? И небо, и окрестности не походили ни на что виденное ранее. В воздухе присутствовал какой-то странный запах. Неужто сера? Черт его знает, может и сера. Не нюхал я ее никогда, не знаю как пахнет. Вдобавок ко всему и тварь эта окаянная – Цербер, она тоже выглядела, мягко сказать, не очень-то обычно. Ну, а если говорить обо мне, то вообще цирк получается. При таком количестве ран в принципе даже невозможно встать на ноги, не то что идти. А вот нет, вздрагиваю от боли, но все же продолжаю, как привязанный, топтать за Дионой. А началось все с милой беседы с тем жирным уродом, подручные которого и забросили меня в это гиблое место. Вроде все срастается. Факты, как говорится, упрямая вещь...

Но нет! Я постарался взять себя в руки. Опомнись! Включи мозги и докажи самому себе абсурдность всех этих галлюцинаций. Загробный мир! Чушь собачья! Чтобы разделаться с навязчивыми видениями, я решил применить эффективное и проверенное оружие – детальный анализ событий и здравый смысл. Все происходящее вокруг лишь фантазии, и они начнут лопаться словно мыльные пузыри, как только я попытаюсь выстроить их во взаимосвязанные цепочки. Так всегда бывает. Любой бредовый сон похож на вырванные из книги страницы. Нет ни начала, ни конца. Именно когда понимаешь это и начинаешь искать предыдущие главы, обязательно просыпаешься. Не хочу сказать, что мне улыбалось проснуться посреди беснующихся волн Атлантики, но ад – это уж слишком. Быть может, повторное погружение в небытие забросит меня в более приятное место. Итак, начнем:

– Диона, а почему Цербер накинулся на нас?

– Цербер охраняет границы ада и не позволяет грешникам переходить Ахерон.

– Но я ведь не переходил реку. Я наоборот прибыл с другой стороны, чтобы навечно поселиться в этом «уютном» местечке. А ты... – я осекся неожиданно прозрев. – Реку перешла ты! Зачем?

Львица ответила не сразу. Похоже, она сама была в шоке от своей неожиданной смелости.

– Меня отправили встретить новенького. Так поступают всегда, когда грешник приходит не через врата, а попадает в ад из ЕГО личных владений. – Диона начала рассказ с самого начала, словно надеялась, что именно там отыщет причину своего поступка. – Я дошла до реки и стала ждать. Ждать пришлось недолго. В скалах открылся проход, из которого и вывалился ты. Я уже однажды встречала одного несчастного. Именно в этом месте. Берег Ахерона усыпан большими острыми камнями. Ударившись о них, Исаак переломал себе все кости. Здесь, в аду, кости не срстаются, а раны не заживают. Поэтому вот уже много лет я вздрагиваю, когда он стонет. Я не хотела такой же участи и для тебя.

– И ты рискнула перейти реку. Словила меня, пока я еще катился по щебневому откосу.

– Да, я сделала это.

– И не побоялась Цербера?

– Все произошло так быстро, что я даже позабыла о Цербере.

Ну и дела! Горло сжал неожиданный спазм. Неужели в мире осталось хоть одно существо, готовое рискнуть ради меня? Я ведь одинокий волк. Семья была, да, как говорится, сплыла. Друзья? Самые верные друзья спят на дне морском, а те, что остались... а те, что остались, вряд ли готовы рискнуть своей сытой уютной жизнью ради такого неудачника, как я. И тут вдруг, откуда ни возмись, такое невиданное самопожертвование, да еще со стороны дикого зверя.

Неожиданно мне стало очень тоскливо. Конченный я видно человек, позабытый людьми. Даже во снах не удосужился человеческого внимания и помощи. Чтобы не скиснуть окончательно, я попытался подумать о чем-то другом.

– Диона, а Цербер один охраняет царство Кощея?

– Цербер охраняет ад, а про царство Кощея я ничего не знаю, – львица замедлила шаг и вопросительно посмотрела не меня.

– Для некоторой части человечества это одно и то же, – я не стал углубляться в объяснения. – Так ты не ответила, один или нет?

– Конечно один, – Диона удивилась. – Разве ты этого не знал?

– Слышал, но как-то не верится. Хозяйство большое. Как же он везде попевает?

– Думаю, что Цербер один из демонов, а демоны они ведь вездесущи.

Так-то оно так, только трюшечки не так. Цербер не такой уж расторопный парень, каким слывет. Вот, например, с момента моего падения и до появления этого чучела прошло, как минимум пять минут. А пять минут, это не так уж и мало. В современном бою... Да что там в бою! За это время можно отмахать целый километр. Интересное наблюдение. Надо будет запомнить. Мало ли для чего может сгодиться.

Я поймал себя на мысли, что понемногу начинаю воспринимать происходящие события как реальность. Не скажу, что затрясся от страха. Воспринимать как реальность и находиться в реальности – это две разные вещи. И стереть границу между ними смогут только очень веские доказательства. Какие? Я даже не могу представить какие. Может быть...

Придумать ничего не успел. Парализованный невиданным зрелищем, я так и застыл на месте. Невозможно ни соображать, ни говорить, ни даже дышать. На это можно было лишь глядеть вылезшими из орбит глазами.

Корабль! Внушительных размеров военный корабль висел передо мной прямо в воздухе. Следуя вдоль отвесной скальной гряды, мы с Дионой не могли видеть его раньше. Но стена закончилась, и первый шаг по ровной каменистой ложине стал шагом навстречу грозному океанскому монстру.

Нас разделяло не более двадцати шагов. Крутой форштевень вздымался надо мной словно еще одна высокая скала. В клубах красного тумана он походил на отточенный стальной плуг, вспахивающий багровую борозду. Корабль стоял абсолютно ровно, словно его поддерживали невидимые ремонтные фермы. От киля до поверхности земли – не более метра, так что при желании можно было легко проверить, не лгут ли мне глаза. Думаете, я упустил такой случай? Черта с два! Позабыв о боли, я кинулся под стальное брюхо и обеими руками стал шарить по окрашенному в красный цвет днищу.

– Что же это за галлюцинация, если я могу попробовать ее на ощупь. Неужели действительно корабль?

Мне казалось, что я шептал одними губами, но Диона услышала:

– Это проклятые корабли. Их здесь много, – произнесла львица прямо за моей спиной. В ее голосе сквозило будничное равнодушие, как будто речь шла о привычных, ничем не примечательных вещах.

Проклятые? Я, разумеется, законченный атеист, но руки почему-то сами собой отдернулись от стального днища. Сделав несколько шагов назад, я стал внимательно оглядывать корабль, пытаясь заметить что-нибудь необычное, а заодно определить класс, принадлежность и годы постройки.

Все верно, это военная посуда водоизмещением на пару тысяч тонн. Обводы корпуса приближаются к современным, но что-то не видать привычных спутниковых антенн и радаров. На вооружении лишь пушки да торпедные аппараты. Из всего этого может следовать только одно – эсминец времен Второй Мировой войны. А вот и доказательство! Мой взгляд скользнул по трубе корабля. Там в клубах красного марева явственно проступила жирная свастика.

Фашист! Меня передернуло от заложенного в самих генах чувства гадливости. Пояснений больше не требовалось. Фашистскому миноносцу место именно здесь. Однако, что значит «их здесь много»? Неужели весь флот нацистской Германии напрямик отправился в ад? А почему только флот? Если следовать этой логике, то в округе должно быть полным полно всякого хлама. Начиная от чашек и тарелок, и заканчивая танками и самолетами. Все, на чем красовалась уродливая свастика, должно было низвергнуться в преисподнюю. Но нет. Вокруг только голые камни, среди которых протяжно завывающий ветер гоняет грязно-серую пыль.

– Диона, а где еще ты видела корабли? Мы будем проходить мимо них? – Новые находки должны были либо подтвердить, либо опровергнуть мою теорию.

– Вон там, – львица указала лапой вдоль борта мертвого эсминца. – Там стоит еще один. Только он странный какой-то. Пошли, нам как раз в ту сторону.

Диона двинулась вперед. Не выражая абсолютно ни каких протестов, я последовал за ней. Пройдя метров пятьдесят, я замедлил шаг. Фашистский корабль, выглядевший с носа целым и невредимым, на самом деле оказался рыбой со вспоротым брюхом. Всю центральную часть эсминца распотрошило взрывом огромной силы. Большая часть пробоины находилась ниже ватерлинии, и я предположил, что морского хищника угостили торпедой. Пробив борт, она взорвалась внутри, вызвав детонацию части боезапаса.

Так... что же это получается? Я разглядывал причиненные взрывом разрушения и напряженно соображал. Выходит, чтобы оказаться здесь, эсминец должен был погибнуть. Не просто закончить жизнь на свалке металлолома, а именно погибнуть, как гибнут люди.

Нет, что-то тут не вяжется! Неужели, существует какая-то разница между орудием убийства, покоящимся на дне океана, и точно такой же машиной смерти, гниющей у пирса в одной из железных бухт? Фашист он ведь везде фашист!

Я так увлекся теорией, в которой нацистские преступники неизменно получали по заслугам, неважно на этом или на том свете, что когда впереди проступили очертания еще одного стального монстра, меня буквально парализовало. Я прекрасно знал эти очертания. Правиль-

ная веретенообразная форма, высокая как прибрежный утес рубка и придвинутые к ней плоскости носовых горизонтальных рулей. Холера меня забери, да это же «Варшавянка»!

Советская дизельная подводная лодка проекта «877» напоминала дирижабль, рухнувший с небес на грешную землю. Безмолвие и покой, царившие вокруг, показались вдруг злоецами, они словно витали над полем битвы. А ведь и вправду! Вот тут, сзади и спереди от меня покоились два непримиримых врага, которые сражались ни на жизнь, а на смерть. Никому не судилось праздновать победу, и стальные великаны замерли, уткнувшись в обагренные кровью камни.

Тебе бы, брат, в писатели! Фантазия будь здоров! Стыдя сам себя, я укоризненно покачал головой. Не могла эта субмарина торпедировать эсминец. Они ведь корабли из разных эпох. Их разделяет почти полвека. «Варшавянки» начали клепать лишь в середине восьмидесятых годов. Лодки предназначались как для нашего флота, так и для флотов союзников по Варшавскому договору. Отсюда и название.

При взгляде на стального кита у меня защемило сердце. Отличная, надежная посуда, а погибла. На дрейфующую мину напоролась, что ли? Половину носовой части, та, что ближе к правому борту, разворотило так, что просматривались сразу два изувеченные отсека. С такими повреждениями уж точно не всплыть.

Вечная вам память, мужики. Я стал обходить подводную лодку, надеясь обнаружить какую-нибудь отличительную черту. Кто знает, может видел когда или даже знал кого-то из офицеров.

Номера на субмарине не оказалось. Шифровались мы в те годы крепко, и лодки у нас по большей части были безликие. Таким способом пытались сбить с толку, как тогда говорили, «вероятного противника», не дать ему проследить за перемещением советских субмарин. Раз так, мне стоило поискать какую-нибудь эмблему или надпись. Моряки народ суеверный, а подводники в особенности. Иногда против всех правил малевали на бортах всякую всячину, обереги свои, значит. Может вот и здесь отыщется. Мой взгляд заскользил по темно-серой рубке и вдруг...

Мне показалось, что это страшный сон, что я брежу. Стараясь поскорее очнуться, я принялся тереть руками глаза. Не помогло. Картинка по-прежнему оставалась четкой и до боли реальной. На самом верху рубки поблескивал маленький рисунок – красные львы и кресты на фоне желто-синего щита.

Господи милостивый! Я покачнулся, словно получив удар в лицо. Это же... это же лодка Сурена! Невзирая на регулярные выговоры и разносы в политотделе, он с неизменной настойчивостью все рисовал и рисовал этот герб перед тем, как выйти в море. Говорил, что эмблема их старинного армянского рода приносит удачу и хранит от бед. Ох, Сурен, Сурен, дружок ты мой закадычный, если бы все было вот так просто!

В мгновение ока я вспомнил все. Как прощались на пирсе. Как Сурен целовал своих маленьких дочерей и задорно подмигивал жене – белокурой москвичке Лиде. И еще я вспомнил, как за день до выхода в море мы сидели у них дома, в маленькой двухкомнатной квартирке. Как слегка захмелевший хозяин – капитан третьего ранга Сурен Лусинян пел под гитару «Очи черные». А потом мы с ним курили на кухне и говорили... говорили аж до самой глубокой ночи. Мой друг тогда признался, что не лежит у него душа к этому походу. В их, и без того комсомольско-молодежном экипаже, полно непросоленных салаг. Ну, а главная тревога – эти чертовы торпеды. Конечно, про торпеды это секрет. Но какие секреты могут быть между старыми друзьями? Я узнал, что «Варшавянка» Сурена приняла на борт десять новейших реактивных торпед и должна была произвести их пробные пуски.

Слышал я про эти торпеды. Поговаривали, что они, мягко сказать, слегка незрелые, что готовили их в большой спешке, только бы успеть к началу учений «Глубокое море». Также шел слухок, что на Балтике одна из таких вот игрушек рванула прямо при погрузке на лодку. Но

тогда на торпедах не было боевой части, а вот Сурену предстояло выйти в море с полностью заряженным оружием. Не самое, знаете ли, вдохновляющее задание.

Лодка Лусиняна пропала так и не дойдя до района учений. Ее долго искали, но тщетно. Прямо на маршруте Сурена почти неделю кружилась американская эскадра, и, естественно, у всех идейно подкованных совковых аналитиков мозги завернулись лишь в одну сторону. Во всем узрели мрачную тень звездно-полосатого флага. А на деле все оказалось совсем по-другому. На борту «Варшавянки» действительно сдетонировала одна из торпед.

Подавленный я стоял перед лодкой Сурена и едва сдерживал наворачивающиеся слезы. Теперь я знал правду. Даже две правды. Первая – моего друга погубил не суровый океан, а преступная ошибка какого-то там адмирала, наверняка до сих пор удобно восседающего в мягком кабинетном кресле. И второе. Главное. Мы с Суреном обязательно встретимся. Мы не можем не встретиться, ведь у нас впереди целая вечность. Вечность, которую мы проведем в этом проклятом месте.

Глава 5.

– Спасайся! – Диона зарычала резко и пронзительно.

Я расслышал предостережение, но действовать меня побудили отнюдь не слова, а скорее интонации, звучавшие в голосе насмерть перепуганной львицы. Именно так вопят растерянные пехотинцы, когда над их головами слышится вой идущих в пике штурмовиков. Не долго думая, я ничком бросился на землю – не мудреный прием, позволяющий сохранить жизнь во многих смертельно опасных ситуациях. Сработало и на этот раз. Надомной мелькнула огромная тень, послышались частые громкие хлопки, а в спину ударил поток горячего воздуха, словно рядом промчался окутанный паром паровоз.

Я не собирался долго разлеживаться. Опасность она и в Африке опасность. Избежать ее можно лишь действуя решительно, а главное быстро. Рывком перевернувшись на спину, я постарался обнаружить своего неведомого противника.

– Срань господня! – только и смог я выдохнуть, когда увидел это создание.

Человек? Не человек! Птица? Не птица! Птеродактиль какой-то, да и то мутировавший. Хотя основные пропорции человеческого тела и были присущи трехметровому гиганту, но поставить его в ряд себе подобных не было ни какого желания. Кожистые как у летучей мыши крылья, покрытое зеленоватой чешуей тело, вытянутая собачья морда, ну и главное... Главное, что внутри чудовища бушевал огонь. Ноздри и полуоткрытая клыкастая пасть светились как недра разогретой доменной печи.

Я не стал далее углубляться в изучение своего противника. А то что свалившийся с небес монстр никто иной как именно противник, было яснее ясного. Промашнувшись с лету, он приземлился в дюжине метров от меня и теперь приближался хищной пружинистой походкой.

Что делать? Бежать? Я быстро огляделся по сторонам. В радиусе полусотни метров никакого укрытия. Даже стоящих валунов не видать. Догонит, как пить дать догонит! Да... На ровном месте я ему не соперник. Эх, хоть какую-нибудь пещерку или расщелинку, куда эта тварь не сможет протиснуться!

Тут меня словно ударило током. Есть! Придумал! Позабыв о боли, я вскочил на ноги и кинулся к субмарине. В пробоину! Скорее внутрь! Узкие отсеки «Варшавянки» это как раз то, что мне и нужно!

Крылатая тварь не сразу бросилась в погоню. Как мне показалось, она слегка опешила. Моя реакция явно отличалась от реакции большинства обитателей здешних мест. И демон сперва должен был ее переварить.

Процесс переваривания занял всего несколько секунд, и результатом его стала неистовая ярость. За спиной я услышал взбешенный вопль: «Остановись!»

Ага, как же! Сейчас! Черта лысого! Не на того напал! Я подпрыгнул и уцепился руками за нижний край пробоины. Подтянулся. Закинул ногу и забрался внутрь. Хвала Всевышнему, есть еще порох в пороховницах. Мой совет пенсионерам – господа-товарищи, делайте зарядку по утрам.

В торпедном отсеке царил невообразимый хаос. Теряя драгоценные секунды, я протискивался сквозь металлическую сельву: полуметровые трубы торпедных аппаратов, обломки автоматического заряжающего устройства и гидроакустического комплекса. Что ж, демону все это явно придется не по вкусу.

Я уже преодолел половину носового отсека, когда внутрь запрыгнул мой преследователь. Я наивно полагал, что недостаток пространства остановит его, ну или в крайнем случае замедлит погоню... Не тут-то было! Монстр легко трансформировался. Огромные крылья сжались и буквально втянулись в острые лопатки. Все его тело словно потеряло костную основу, став мягким и аморфным как пластилин. И вот эта самая гутаперчивая скотина ринулась вслед за мной.

Я кинулся бежать, но куда там! Простому смертному не сравниться в скорости с этим исчадием ада. Добраться до следующего отсека не было никакой возможности. В бессильной ярости я схватил подвернувшийся под руку обломок трубы и развернулся к моему врагу. Будь что будет! Помирать, так с музыкой!

Привалившись плечом к покосившемуся торпедному стеллажу, я ждал. Демон заметил это и не стал торопиться. Он приостановился и с высокомерной улыбкой глянул на меня:

– Куда же ты хотел убежать, человек? Это мой мир, и здесь я властен сделать с тобой все, что захочу.

– Ах ты, гнида!

Гнев вскипел во мне как волна. «Варшавянка» была моим миром. Здесь жили и здесь же умирали мои товарищи, а слова этого выродка оскверняли их память. Мозг сработал как сверхскоростной компьютер, и всего через долю секунды выдал план мщения.

Я отпрыгнул назад и что есть силы врезал по креплению стеллажа. Следовало довершить начатое взрывом. Надорванная сварка не выдержала удара, в который я вложил весь свой гнев и всю свою боль. Стойка подломилась, и шесть 533 миллиметровых торпед обрушились на голову чешуйчатой твари. Наблюдая как огромные сигары сооружают над демоном тяжелое металлическое надгробье, я подумал что все-таки существует судьба. Запасные торпеды на лодке Сурена не сдетонировали лишь потому, что им было суждено стать оружием в моих руках.

Оружием? Нет, вряд ли это оружие сработает, вряд ли я покончу с демоном. Остановить – да, но убить...? Убить – едва ли. А раз так, то следует поскорее убираться с корабля.

Через завал я не полез. Нет никакой гарантии, что тварь, похороненная под ним, не выползет наружу и не схватит меня за ногу. Не став рисковать, я проник в соседний отсек, поднялся на ходовой мостик и через люк выбрался наружу. Багрово-огненное небо показалось мне кровавым морем. Будто я вишу над ним вверх ногами готовый вот-вот сорваться. Неприятно закружилась голова...

– Алексей! – откуда-то издали горячий ветер донес знакомый голос. Отгоняя головокружение, я замотал головой и поглядел в сторону, откуда кричала Диона. – Алексей, сюда! Сюда, скорее! – львица нарочито медленно брела по пыльной пустыне прочь от мертвой подводной лодки.

– Иду!

Я понял, что в словах Дионы есть пока неведомый мне резон и не стал мешкать. Спустившись с рубки, я пробежал по палубе до самой кормы, а затем, цепляясь за лопасти гребного винта, как можно ниже спустился к земле. К сожалению все равно пришлось прыгать. Удар напомнил о ранах. Я заскрипел зубами, но не позволил себе остановиться. Кто знает, может эта

крылатая «милашка» сейчас выползает из-под завала или к ней на помощь уже спешат другие демоны.

Я догнал Диону минут через пять. Она все брела и брела прочь даже не подумав подождать своего хромоногого компаньона. Не скрою, такое мелкое предательство меня слегка задело.

– Стой, остановись! Подожди!

– Мы не должны останавливаться, – львица вновь затянула старую песню.

– Дай хоть отдышаться.

– Нельзя. Остановка это нарушение ЕГО приказа. Велиал и напал то на тебя только потому, что ты задержался возле этого странного корабля. – Тут вдруг львица покрутила головой по сторонам. – А где Велиал?

– Так эту скотину зовут Велиалом? – мне, наконец, удалось восстановить дыхание. – Там, внутри подлодки. Собирает металлолом.

– А что такое металлолом и зачем он ему? – львица не поняла шутки.

– Как зачем? Почти евро за килограмм! Это тебе не шутки! А учитывая сколько он там награбастал... Так это будет на целый «Мерседес». – Я понял, что окончательно запутал свою спутницу, поэтому поспешил вернуться к простым и понятным для нее материям. – Идем, а то он еще передумает с «Мерседесом» и вновь примется за старое.

– Пока мы четко и точно выполняем приказ повелителя, демоны не имеют права нас трогать. Сейчас у нас приказ идти, и мы должны двигаться в указанном направлении, не останавливаясь ни на миг.

Ковыляя вслед за Дионой, я был задумчив и молчалив. Думал естественно не о Велиале. Пропади он пропадом этот убудок, чтобы о нем еще думать. Есть вещи куда важнее и намного ужаснее.

Я нашел доказательства, которые искал. Никто не смог разгадать тайну гибели «Варшавянки» Лусиняна, а мне ничего и не пришлось разгадывать. Вот она лодка. Хочешь – гляди, хочешь – щупай, хочешь – пробуй на зуб. И самое паршивое, что все абсолютно логично, все сходится, ничего не надо додумывать или просчитывать. Взрыв торпеды, затопление двух отсеков и пожар. Самые жуткие кошмары всех подводников. У Сурена просто не было шансов. Нет их и у меня. Потому, что все это... – я поднял глаза к багровому небу, – все это правда. Я в аду.

Вот тут действительно стало жутковато. Никогда не верил в сказки о загробной жизни. Плохой или хорошей – без разницы. А вот поди ж ты, оказалось правдой. Повезло еще, что пока не видать чертей и сковородки с кипящим маслом. А вообще, кто его знает, что там впереди? Я с подозрением глянул на линию низкого горизонта, к которой мы без отдыха топали. Неожиданно вспомнился здешний правитель – розовощекий толстяк в золотых очках. Кажется, он говорил о разыгравшейся людской фантазии. Мол, не все обстоит именно так, как представляют себе живые. Наверняка так оно и есть. Дьяволу незачем мне врать. Вот, например, о проклятых кораблях в библии точно ничего не написано. Я проводил взглядом разбитый испанский галеон, паривший в воздухе слева по курсу. Но все же, почему именно корабли?

– Диона, – я окликнул свою молчаливую спутницу, – ты не знаешь, откуда взялись все эти корабли?

– Как откуда? – львица повернула ко мне морду. – Из мира живых, конечно. Ты ведь узнал тот корабль, похожий на большую рыбу.

– Да, узнал. Но почему он здесь? Я всегда считал, что ад это место для грешных душ, а у корабля нет души.

– Души нет, – согласилась Диона, – зато есть верность своим хозяевам.

– Как это? – удивился я.

– А ты разве не замечал, что бывают любимые вещи? Почему-то они всегда оказываются под рукой, они никогда не подводят. Люди получают удовольствие, когда касаются их, пользуются ими.

– Есть такое дело, – я посмотрел на свои потертые швейцарские часы, а затем с удивлением нащупал в кармане брюк старый потрепанный бумажник.

– Вот так и с кораблями. – Заметив мои действия, Диона утвердительно кивнула. – Моряки очень долго плавают на них, холят, лелеют, сродняются с ними и как бы приручают. Поэтому, если случится беда, и они гибнут вместе, корабль всегда следует за своими хозяевами. – Извиняющееся рыкнув, львица поправилась, – Ну не сам корабль, конечно, а его призраки. Мы ведь все здесь призраки.

Черт побери! И тут железная логика. Вокруг одни лишь военные корабли, ни сухогрузов, ни пассажирских лайнеров. Почему? Да потому что лишь на военных кораблях экипажи более или менее постоянны. А главное, моряков много. Силы их душ должно с лихвой хватить, чтобы накрепко привязать к себе своего стального друга.

Тут я вспомнил свой корабль, и сердце больно защемило. Он действительно значил для меня очень много. Он одновременно был и боевым товарищем, и домом, и членом семьи. Моя бывшая жена даже ревновала к нему. Каждое слово, каждое упоминание о старине «Грозном» воспринималось чуть ли не как супружеская измена.

Нет, лучше не вспоминать! Ни о семье, ни о корабле, ни о чем из прошлой жизни. На душе и так хреново. Захлебнувшись смертной тоской, я глубоко вздохнул.

– Ты ведь тоже моряк? – Диона по-своему истолковала стон, вырвавшийся из моей груди.

– Как ты узнала?

– На тебе эта полосатая рубаха. Некоторые люди, которых я встречала здесь, носили точно такие же. И они называли себя моряками.

– Ты много знаешь и во многом разбираешься, – я с подозрением покосился на Диону. – Очень странно для зверя. Или ты не настоящая львица? Может, ангел или демон?

– Нет, я львица, – Диона понурила голову. – Только очень старая львица. За две тысячи лет пребывания в аду я многое повидала и многое узнала. Грешники, работавшие вместе со мной, рассказывали что знали, учили меня.

Слова Дионы поразили меня. Две тысячи лет! Она здесь уже целых две тысячи лет! Сразу стало душно, и не просто душно, а нестерпимо душно. Как будто горло стянула цепкая удавка. Ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Если бы кто и впрямь вздумал накинуть мне петлю, я бы ответил. Непременно изловчился бы и ответил. Ну, а что прикажете делать здесь и сейчас? Вдруг я остановился, словно налетел на невидимую стену. Ох, какая мысль! А кто сказал, что я не могу дать сдачи здесь? Пусть я никогда не вырвусь в мир живых, но и в мире мертвых должно себя чувствовать тем, кем ты был всегда – большим и гордым человеком.

Я не стал долго простаивать на месте. Я снова двинулся вперед. Только теперь походка моя стала более уверенной и энергичной. Больно? Не беда, что больно! Боль она ведь только в мозгу. В этом мире я мог шагать даже на голых костях, мясо с которых содрал бы этот убудок Цербер. Главное не тело, главное дух!

Боевой дух это, конечно, хорошо, но на что годится кипящая в жилах энергия, если она не направляется холодной и расчетливой головой? А мою голову сейчас никак не назовешь холодной. Отсюда вывод – успокойся и все хорошенько обдумай. Хотя обдумывать пока рано, пока нечего обдумывать. Слишком мало информации. Да ее вообще нет!

Придя к такому выводу, я поглядел на львицу. Говоришь, ты многое повидала и многое узнала... А ну, киска, выкладывай, что там отложилось в твоей лобастой башке.

– Диона, а как ты попала в ад? – сбор данных я решил начать с заполнения анкет на своих союзников. Хотелось надеяться, что Диона являлась таковой.

– Я приговорена за убийство.

– Убийство? – меня слегка передернуло, но я взял себя в руки. – Ты хищница, ты должна убивать, чтобы не умереть с голоду.

– Это правда, но я говорю не об охоте и пропитании. Я имею в виду убийство из-за злобы и мести.

– Кому же ты мстила? – стало понятно, что слово «мечь» следует поставить на первое место.

– Людям. Всем людям.

После такого ответа мигом вспомнились леденящие душу истории о львах людоедах, которые терроризировали забитые африканские деревушки и нагоняли страх на участников сафари. Путешествие в компании свирепого зверя сразу потеряло всякую привлекательность. Правда, Диона спасла меня от Цербера и до сих пор вели себя вполне дружелюбно. Может, за две тысячи лет злоба на человечество уже перегорела?

– А за что ты мстила? – задавая вопрос, я внимательно следил за своей спутницей.

– Люди ради забавы убили моих детенышей, а меня посадили в клетку. Потом они привезли меня в большой город и заставили выступать на арене.

В голосе Дионы не было ни злобы, ни раздражения, и я вдруг понял почему. Эту историю она рассказывает уже две тысячи лет подряд. Боль и ненависть прошли, и в душе у львицы осталась лишь бездонная пустота.

– Там то ты и убила человека? – сама собой представилась сцена, в которой Диона кидается на зрителя.

– Я убивала много людей. Иногда по несколько человек в день.

– Как такое может быть? – слова спутницы поразили меня.

– Может. Я дралась с людьми, которых называли гладиаторами. Бои проходили на огромной каменной арене в городе Риме.

– Ты дралась в Колизее? – я открыл рот от изумления.

– Да, дралась. И всегда побеждала. – из груди огромной кошки вырвался рык очень похожий на вздох. – Это потому, что я не страшилась смерти. Мои противники труслились, а я нет.

– Все боятся смерти. – Мне вспомнились объятия ледяного океана и воздетое к небу лицо Саида.

– Безумцы нет. А я была безумна от горя. У меня отняли все: детей, свободу, весь мой мир.

– Гладиаторы ничем от тебя не отличались. Они были такими же рабами.

– Ты прав. – Диона согласно кивнула. – Когда я это поняла, то выбрала себе новых врагов. Тех, кто сидел на трибунах. Эти мерзкие червяки реготали, когда мы умирали, и приказывали добивать раненых.

– Зрители сидели высоко на трибунах. Туда ты никак не могла добраться.

– Я почти добралась, – львица гордо блеснула глазами.

– Но как? – Мне действительно стало интересно. Для того, чтобы вырваться с арены требовалась немалая сообразительность. Я вот прямо так... с ходу... ничего не мог придумать, как не старался.

– Несколько раз против меня выпускали всадников. Я прикинула, что со спины лошади можно допрыгнуть до края ограды.

– Допрыгнула?

– Еще как допрыгнула. И если бы не тот солдат...

– Какой еще солдат? – я тут же представил себе римского легионера в кожаном нагруднике и с большим квадратным щитом в руке.

– Возле ложи одного из сенаторов дежурил солдат. Наверное опытный и смелый воин. На мой прыжок он среагировал с быстротой молнии. Я еще перебирала лапами в воздухе, а он уже нацелил на меня свое копьё.

Иллюстрируя свои слова, Диона приостановилась и высоко приподняла переднюю левую лапу. На мощной груди прямо напротив сердца зияла совсем свежая колотая рана. Ключья светло-соломенной, почти белой шерсти вокруг нее оказалась измазанной кровью. Кровь была старой и засохшей. Впитав в себя грязь и пыль, она приобрела оттенок гнилого баклажана.

– Я умерла почти сразу. Меня даже не стали добивать. Поэтому на мне нет других ран, только эта. – Повинуясь привычке, Диона попыталась слизнуть кровь, но из этого ничего не вышло. Язык прошелся по грязно-бурым пятнам, да так и не стер их.

Печальная история, да еще и с плохим концом. Мне стало безумно жалко львицу. Я подковылял к ней и погладил по голове, а затем почесал за ухом. Диона ведь тоже кошка, только переросток. Значит, и пристрастия у нее тоже должны быть кошачьи.

Львица с вожделием приняла мою ласку. Похоже, за много-много лет я был единственным человеком, у которого она нашла сочувствие, который ее пожалел. Н-н-да, в этом мире с сочувствием к ближнему наверняка напряженка. Все вместе и каждый в отдельности оказались в полной жопе. Не мудрено, что мысли крутятся только лишь вокруг одной своей безутешной доли. Я не чувствовал ничего подобного, потому что еще не хлебнул настоящей адской жизни. Но уже скоро, очень скоро.

Я поглядел вперед и увидел серое облако, поднимающееся словно из-под земли. Не дым и не туман. Скорее всего пыль. Мелкая серебристая пыль, как будто поднятая тысячами шаркающих ног.

– Да, нам именно туда, – Диона проследила за моим взглядом. – Там все и начинается.

Глава 6.

До границы пыльного марева оставалось еще как минимум с полкилометра, когда до моего слуха долетел этот гул. Непонятная, ни с чем несравнимая какофония звуков. Что-то подобное получится, если соединить гомон базарной площади с лязгом и грохотом металлообрабатывающего производства. Да уж, ритмы не самые оптимистичные, и даже близко не напоминают румбу или ламбаду.

– Что там? – я ткнул пальцем в сторону серых клубов.

– Первый круг.

Диона брела рядом, опустив голову. Она была подавлена. Я прекрасно понимал львицу. Побывать у заветной границы, за которой бурлит жизнь и льется солнечный свет, а затем снова возвращаться в самое пекло. Радости от такой прогулки, прямо сказать, мало.

– Первый круг? – я почесал затылок и попытался вспомнить. Ничего, кроме фразы: «Пройти все круги ада» в голове не всплыло. И то... за правильность этого изречения я не ручался.

– Ад имеет девять кругов, – Диона принялась объяснять. – Сейчас мы войдем в первый.

От слов моей четвероногой спутницы в голове что-то щелкнуло. Я вспомнил заплывшего адоуправителя, который распорядился сплавить меня в «санаторий» под названием «Ад-8». Не восьмой ли это круг? Сразу по спине поползли крупные мурашки. Видать, гиблое местечко. Хотя, имеется одно утешение. Ведь существует место и похуже. То самое, что скрывается под индексом девять.

В полном молчании мы брели навстречу судьбе. А о чем говорить? Расспрашивать что ждет там, впереди? Не хочется, да и смысла нет. И так все узнаю. Изливать душу? А на кой хрен Дионе моя душа? Ей бы со своей совладать, да успокоить.

На самом деле пыльная завеса оказалась не такой уж и плотной, как чудилось изда- лека. Все дело было в освещении. Красноватый свет, льющийся с небес, ничуть не способ- ствовал хорошей видимости. В нем блекли краски, а все предметы казались размытыми и диковато-угрюмыми. Вот так и с этой пылью. Ничего примечательного. Порывы ветра гоняли обычную серую пыль. А вообще-то нет. Пыль не назовешь совсем уж обычной. Она поблес- кивала словно мельчайшие снежинки в лучах заходящего солнца. Однако, хватит лирики. Никакие это не снежинки. Скорее всего, крошечные частички какого-то минерала. Интересно, откуда они здесь?

– Эй, осторожней! – резкий рык Дионы оторвал меня от раздумий. – Гляди, куда идешь!

Что значит «Куда идешь»? Напрягая зрение, я стал оглядываться по сторонам. Вроде бы ничего опасного. Все как и раньше. Голые камни и серая дымка. Разве что этот шум... Он дей- ствительно стал громким и отчетливым. Сейчас я был почти уверен, что где-то совсем рядом находилось огромное скопление людей, и причем вся эта живая масса неустанно двигалась. Что это может быть? Такого звука раньше я никогда не слышал, голову даю на отсечение. Но все же, откуда ни возьмись, всплыли некоторые ассоциации. Колона узников на марше или невольники в каменоломне? В поисках источника гула я опустил глаза и уткнулся взглядом в каменную россыпь под ногами. Всего в шаге от меня слежавшиеся валуны пропадали из виду. Их словно срезали гигантской острой бритвой. Вот тут они есть, они реальны и ясно различимы, а вон там, чуток впереди, уже не существует ничего, кроме клубящихся грязно-серых облаков пыли.

Рассчитывая каждый шаг, я подобрался к обрыву. Ничего не разобрать! Впереди сплош- ное молоко, если конечно молоко бывает серым с мутными красноватыми разводами. Я уже собирался повернуться к Дионе и спросить: «А куда дальше?», когда вдруг неожиданно силь- ный порыв ветра ударил в лицо. Серая пыльная мгла вздрогнула и понеслась мне навстречу. Пылинки кололи глаза и противно скрипели на зубах, словно это была совсем не пыль, а песок, поднятый бурей где-нибудь в далекой жаркой Сахаре. Защищаясь от их яростной атаки, я плотно сжал веки и отвернулся.

Шквал бушевал менее минуты. Когда все стихло, у меня отлегло от сердца. Фух, про- несло. Выходит это не буря. Отплевываясь и протирая глаза, я вновь повернулся к краю обрыва. Первый же взгляд вниз поверг меня в состояние глубокого шока. Парализованный я стоял с вылезшими из орбит глазами и как рыба, выброшенная на берег, судорожно хватал ртом воз- дух. Бред! Мистика! Галлюцинация!

Передо мной простиралась воронка исполинского карьера. Начинаясь возле моих ног, она заканчивалась у самого горизонта. Именно там виднелась такая же черная стена, как и та, на вершине которой я стоял. Однако, не величественность пейзажа поразила меня. Скалы выступали лишь угрюмыми декорациями в том трагическом спектакле, который разыгрывался в этом месте.

Главными действующими лицами были люди. Живое море кипело на дне каменной чаши. С обрыва, на котором я стоял, были различимы лишь самые ближние человеческие фигурки. Все остальные казались одной сплошной массой, равномерно намазанной на уходящие вглубь склоны. Живое море находилось в постоянном движении. Отсветы огненно-красного неба играли на спинах людей, от чего зрелище становилось еще более гипнотическим и вместе с тем жутким. Казалось, что все эти миллионы несчастных плещутся в волнах собственной крови.

– Что же это такое? – подавленный и оглушенный я метался взглядом по копошащемуся людскому муравейнику.

– Рудник, – Диона оттерла меня от края и толчком приказала идти. – Здесь добывают тяжелые серые камни, которые мудрые люди называют свинцовым блеском.

Когда опасность свалиться вниз мне больше не угрожала, лвица ослабила опеку и вновь возглавила наш поход. Я плелся за ней вдоль обрыва. Под ноги почти не смотрел. Открывшееся зрелище притягивало все внимание. Но наблюдать становилось все труднее. Ветер утих и пыль,

поднимающаяся из рудника, вновь сооружала на пути моего взгляда серую непроницаемую стену.

Однако, кое что разглядеть все же удалось. Внизу действительно шла добыча какого-то минерала. Работы велись самым примитивным способом. Наверняка вот точно также добывали камень еще во времена фараонов. Рабочие делились на три группы. Одни крушили пароду тяжелыми кирками, другие собирали отбитые куски и грузили их в допотопные деревянные одноколесные тачки. Третьи же по узким утоптаным тропинкам катили эти самые тачки куда-то вниз, в самое сердце рудника. Куда именно мне рассмотреть не удалось. Мешала как плохая видимость, так и значительное расстояние.

– Диона, мы собираемся сойти вниз? – когда грязно-серая ширма окончательно задернулась, я окликнул свою спутницу.

– Да. В одном месте стена обрушилась. Образовалось что-то вроде огромных ступенек, по которым возможно спуститься.

К месту, о котором говорила львица, мы подошли уже через несколько минут. Диона прекрасно ориентировалась в каменной пустыне. Мы не плутали по пограничным землям, а практически точно вышли к участку, на котором произошел обвал.

Глянув с обрыва, я увидел то, что львица именовала ступеньками. Ничего себе ступеньки! Громоздящиеся друг на друга каменные глыбы образовывали крутую осыпь. Конечно, не отвесный обрыв, но и мраморной лестницей с золочеными перилами это тоже никак не назовешь. С камня на камень придется прыгать, что весьма затруднительно, особенно если брать в расчет мою истерзанную ногу. Однако, другого выхода нет. Сцепив зубы, полез вслед за Дионой. Где прыгал, где переползал, а пару раз, не удержавшись, просто падал вниз, как мешок доверху набитый рыбьей требухой. Вот именно таким незатейливым акробатическим трюком и ознаменовалось мое прибытие на дно карьера. Неуклюжий прыжок... и я полетел на землю. Грохнулся лицом вниз. Хорошо еще, что кое-как удалось спружинить руками.

Не смея пошелохнуться, я лежал и ждал когда ослабнет боль. В глазах темно, а воздух, ставший вдруг твердым как бетон, застревал прямо в глотке. Неожиданно я заметил движение. Что-то шевелилось прямо перед моим лицом. Пока я гадал чтобы это могло быть, до моего слуха долетел тихий стон.

– Помогите!

Мольба исходила словно с того света. Естественно, мы и так на том свете, но этот голос шел еще с большей глубины, как будто из недр самой земли. Я поддался на призыв и протянул руку. Почему-то я знал, что именно нащупают пальцы. Рука другого человека, холодная, но живая. Она судорожно вцепилась в меня, словно именно я, я и ни кто другой, являлся той самой единственной, последней надеждой. А может, так оно и было на самом деле?!

Я должен помочь! Собрав волю, силы и гнев, я разогнал завесу, застилавшую глаза. Как только мир стал четким и реальным я действительно увидел человеческую руку. Она торчала из-под огромного обломка скалы, который горный обвал сбросил вниз. Позабыв о своих ранах, я подполз поближе и потянул руку на себя. Не идет. Тогда я встал на колени и уперся плечом в шершавый камень. Напрягая все силы, я попробовал его столкнуть. От напряжения казалось скрипели кости и звенели натянутые струной жилы. Но глыба не поддавалась.

– Алексей, оставь... – голос Дионы прозвучал прямо возле моего уха. – Даже если произойдет чудо, и ты справишься с камнем, это ничего не даст. То, что осталось от этого человека, лучше не видеть.

– Но он же живой! Его можно спасти! – я продолжал остервенело толкать каменного великана.

– Здесь все мертвы. Ты, я и он тоже. Под этим обвалом похоронена не одна сотня человек. Мой слух намного тоньше твоего, и я слышу как они там стонут. Но помочь им мы не можем. Никто не может.

До меня понемногу стал доходить смысл слов Дионы. Умереть здесь нельзя, это точно. Мы ведь и так мертвее всех мертвых. Что же остается? Нести свой тяжкий крест и страдать... Страдать вечно и мучительно. Одним везет больше, и их мука это лишь тяжелый каторжный труд. Другим же выпадает страшная доля – до скончания веков извиваться в объятиях дикой физической боли. Человека здесь можно пропустить через мясорубку, но даже после этого он не исчезнет и не распадется. Он будет существовать в виде кучи окровавленного фарша. Не знаю, сохранится ли в нем разум, но нечеловеческую боль он будет испытывать это уж точно. Ведь именно для мучений и придуман ад.

Оглушенный своим открытием, я повернулся спиной к обломку скалы и стараясь не слышать, не видеть и не оглядываться побрел прочь. Идти можно было лишь в одном направлении. Укатанная колесами тачек тропинка опускалась вглубь карьера. По обеим ее сторонам работали каторжники. Мужчины, женщины, иногда на глаза попадались даже дети. Эпохи, нации, сословия и профессии, все смешалось в этой угрюмой безликой толпе. Дух отчаяния и безысходности так и витал над рудником, отравляя собой не только человеческие души, но и сам воздух, землю и скалы.

– Посторонись! – у меня за спиной послышалось поскрипывание деревянного колеса и шарканье ног.

Чисто автоматически я прижался к краю тропы, а лишь затем обрел голову. Тощий как скелет старикашка катил тачку до краев наполненную кусками серого минерала. Из одежды на нем была лишь заношенная жилетка от костюма, да такие же грязные и потрепанные брюки. Но больше всего меня поразила обувь. Башмак был всего один. Вторую ступню защищал лишь синтетический полосатый носок, из дырок на котором торчали разбитые в кровь пальцы.

Поравнявшись со мной, старик слегка притормозил:

– Извините, не подскажете, какой там наверху сейчас курс доллара? – голос грешника прозвучал неожиданно громко. Так обычно разговаривают слегка глуховатые люди.

– Что? – этот, казалось бы, совсем неуместный вопрос, озадачил меня. Да еще попробуй вспомнить этот самый курс. – Вас интересует курс к евро?

– Что за евро такое? – старик состроил кислую мину. – Никогда не слышал. Нет, меня интересует курс доллара к рублю. Вы ведь должны знать. Вы ведь наш, русский, да и к тому же моряк. – Удерживая тачку одной рукой, он показал на мое плечо. Там из-под рваной тельняшки выглядывала татуировка – два скрещенных якоря, над которыми гордо реял флаг Советского Военно-морского флота.

– Где-то один к тридцати двум.

– За один рубль тридцать два доллара! – в глазах водителя тачки заплясали алчные огоньки.

– Нет, наоборот. За один доллар тридцать два рубля.

– Вы серьезно? – с лица пожилого интеллигента исчез восторг.

– Абсолютно.

– Да... До чего сука Горбачев страну довел! Говорил я, что вся эта гребанная перестройка добром не кончится.

Старик как малолетний босяк сплюнул на землю и ускорил шаг. Он даже не попрощался. Он забыл о моем существовании, погруженный в свои невеселые мысли. Занятный субъект. Похож на престарелого чикагского мафиози. Глянув в след земляку, я кисло улыбнулся. А может я не так уж и далек от истины? По крайней мере, дырки от двух выстрелов в спину и запекшаяся на жилетке кровь говорили, что старикашка помер совсем не в мягкой постели, и уж точно не от сердечного приступа.

– Следуй за мной, – Диона оторвала меня от изучения пулевых отверстий в спине российского Аль-Капоне. – Не мешкай! Здесь уже очень опасно. Демоны следят за каждым нашим шагом, и они совсем рядом.

Вот оно как! Я задрал голову и с подозрением уставился на плотную пылевую завесу, которая перемешиваясь с низкими багровыми облаками, образовывала что-то вроде гигантского купола, накрывающего собой весь рудник. Нападение скорее всего последует именно оттуда. Хотя, кто его знает. Может коллеги Велиала притаились где-то в недрах земли и только и ждут повода, чтобы выскочить из своих нор, словно разъяренные тарантулы.

Я не стал искушать судьбу. Победа над одним демоном ничего не значит. Мне просто повезло. Возможно в первый и последний раз. На чужой территории, во враждебном мире даже самому присамому везунчику все равно долго не продержаться.

Плетясь вслед за львицей, я с тоской глядел по сторонам. Лица, лица, лица. Покрытые серой пылью, изможденные, с потухшими впалыми глазами и пересохшими растрескавшимися губами. Когда я проходил мимо, они поворачивались ко мне и бросали быстрые затравленные взгляды. Никто и никогда так на меня не смотрел. Радость, вспышка надежды, а затем медленное угасание. И это у всех и у каждого.

Оно и понятно. Всего несколько часов назад я еще был живым человеком, я пришел из мира живых, я еще выглядел как живой. Я был напоминанием, связью с тем прошлым, которого узники преисподней лишились навечно. Но как ни странно, они даже не решались окликнуть меня. Они были напуганы, сломлены и покорены.

– Эй, морячек, как там наверху?

Я ошибся. Один из приговоренных все же заговорил со мной.

– Да уж повеселее, чем здесь. – Мой взгляд остановился на высоком молодом мужчине с увесистой киркой в руках. Он был голым по пояс. На хорошо развитом торсе перекачивались тренированные мускулы.

– Яков, когда пробегал тут со своей тележкой, крикнул, что ты идешь, что ты русский.

– Русский, – подтвердил я.

– Откуда?

– Из Питера.

Я перешел на коротенькие шажки, стараясь двигаться медленнее черепахи. Приказ Дьявола выполнялся. Передвигаюсь в заданном направлении – это главное, а вот про скорость, насколько я понял, в инструкции сказано ничего не было.

– Из Питера? Во везуха! – в глазах моего собеседника засветилось неподдельное счастье. – Я тоже из Ленинграда. – парень толкнул в плечо работающего рядом солдата в форме эпохи наполеоновских войн. – Слыш, Анри, земляк встретил.

– Поздравляю, – Анри отмахнулся от соседа и продолжил рубить серебристо-серую породу.

Мне очень хотелось перекинуться хоть парой словечек с этим незнакомым русским парнем, открытое честное лицо которого никак не вязалось со словом «грешник». Комсомолец, жизнелюб, спортсмен, вот наверняка и весь перечень его грехов.

Останавливаться запрещено! В мозгу вспыхнул суровый приказ. А чтоб тебя...! На прощание я махнул парню рукой, и в потоке людей, толкающих перед собой деревянные тележки, двинулся вглубь рудника.

– Постой! – молодой человек рванулся вслед за мной. – Может, браток, ты знаешь Иру Маркову? Она студентка, художница, папа у нее профессор. Жили они на Невском.

– Маркова, говоришь? Знавал я одних Марковых. Правда, было это... А в каком году ты... – я запнулся подбирая нужные слова. – Короче, помер ты в каком году?

– В восьмидесятом. Помню, только-только олимпиада в Москве отгремела.

– Если в восьмидесятом, то мои знакомые отпадают. Они в Ленинград переехали где-то в середине девяностых. – Я отвел глаза. – Прости, друг, ничем не могу помочь.

– Невеста это моя, – горло парня сдавил удушающий спазм. – Узнать бы, как она там. Любил я ее очень. А перед смертью даже проститься не удалось. Током меня в нашей мастер-

ской долбануло. Я ведь скульптор. Варили мы с товарищем потрясную композицию из старого железа, которое пионеры на металлолом сволокли. Короче должен был получиться полный авангард. А сварочный аппарат дрянь, старье. Ну, и коротнул он, значит... Вот незадача, понимаешь ли.

– Понимаю, сочувствую, но к сожалению...

Я так и не успел договорить. Слова утонули в диком вое, обрушившемся с небес. Вскинув голову, я обнаружил здоровенного огнедышащего дракона, который падал прямо на наши головы. На загревке у него восседал всадник, одетый в развивающийся черный балахон. В левой руке наездник держал жезл, напоминающий извивающуюся гадюку. То, что этот чудовищный кавалерист прибыл по наши души, не было ни какого сомнения.

– Беги, с Абигором тебе лучше не встречаться, – Парень схватил меня за плечо, развернул и толкнул вдоль тропы.

– А ты? – в растерянности я обернулся.

– А мне бежать некуда, – он с горечью и отчаянием покачал головой. – Эх, надоело все! Хоть вспомню, что значит быть человеком! – Бросив на меня прощальный взгляд он вдруг добавил. – Меня между прочим Юра зовут. Это так, может, вспомнишь когда. А теперь беги!

Юноша поднял наперевес свою увесистую кирку и сделал шаг навстречу чудовищу. Обитатели каменоломни отпрянули в стороны, и молодой скульптор остался стоять один на неширокой каменистой площадке, похожей на цирковую арену. При виде этой сцены на меня и впрямь накатило ощущение, что все происходящее это ни что иное как представление, умело поставленное по мотивам каких-нибудь кельтских былин. И все было бы весело и увлекательно, если бы не смертный ужас, застывший на лицах притихшей толпы.

Первый удар дракона напоминал падение горящего авиалайнера. Тупо и прямолинейно он врезался в то место, где стоял молодой бунтарь. Глупо. Наверняка даже я, в свои практически пять десятков, увернулся бы от такого выпада, а уж о молодом тренированном парне и говорить не приходится. Он отпрыгнул подальше от когтистых лап дракона. А когда сила инерции вогнала крылатую тварь в землю, сам ринулся в яростную атаку.

Юрий прекрасно понимал, что дракон это лишь безмозглое орудие убийства. Истинный враг это тот, кто восседает на чешуйчатом загревке зверя. Юноша действовал так, как будто давно и тщательно готовился к этому бою. Не теряя ни секунды, он запрыгнул на мощное перепончатое крыло, как на подкидной гимнастический мостик. Хитро! Сейчас дракон взмахнет этим самым крылом и забросит противника себе на спину. А там уж главное – не оплошать. План хорош и мог бы сработать, но... Но в битву вступил тот, кого именовали Абигором. Сильным и метким движением всадник метнул свой посох прямо в грудь нападавшему. На лету черная извивающаяся палка изогнулась и ожила. Словно лассо огромная анаконда обвила шею бунтаря. Через миг послышался хруст, да такой громкий, что его услышал даже я, находившийся в добрых полсотни метров. Юрий дернулся всем телом, кирка выпала из онемевших пальцев. Наземь они упали практически одновременно: старый ржавый инструмент и извивающееся в конвульсиях тело. Змея тут же сползла с него, и как прыткое кенгуру прыгнула в протянутую к ней когтистую руку. Едва оказавшись в ладони своего господина, гадина вновь стала жезлом, твердым, лоснящимся полированными боками.

То, что потом произошло с моим давешним знакомым, я уже плохо видел, поскольку Диона оттащила меня довольно далеко. Но все было понятно и так. Демон не утруждал себя личной расправой. Он просто отдал противника на растерзанию дракону, и зубастая тварь наслаждалась им всласть. Несколько раз я видел, как к небу взлетали куски растерзанного тела, как по поднятой морде чудовища текли струйки алой крови.

Обхватив голову руками, я кинулся бежать. Во мне жил дикий панический ужас. Никогда не боялся смерти, но такое... Перед глазами стояли куски окровавленной человеческой плоти. Они валялись среди пыльных серых камней, их пинали сотни ног, их расплющивали деревян-

ные колеса груженных тележек. Но плоть не исчезала. Она продолжала чувствовать, извиваться, корчиться и страдать. И мукам этим суждено продолжаться целую вечность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.